

The book cover features a close-up of a woman's face with blonde hair and red lips, partially obscured by a golden laurel wreath. The background is a dark, atmospheric cityscape at night, with the Eiffel Tower and other Parisian landmarks visible. The title 'ЗОЛОТО И ТЕНЬ' is written in large, golden, serif capital letters across the middle. The author's name 'КИРА ЛИХТ' is in white serif capital letters at the bottom, followed by the subtitle 'БРОСИТЬ ВЫЗОВ БОГАМ РАДИ ЛЮБВИ' in smaller white capital letters. The overall mood is romantic and mysterious.

ЗОЛОТО И ТЕНЬ

КИРА ЛИХТ

БРОСИТЬ ВЫЗОВ БОГАМ
РАДИ ЛЮБВИ

Young Adult. Романтическое немецкое фэнтези. Книга богов

Кира Лихт
Золото и тень

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)-44

Лихт К.

Золото и тень / К. Лихт — «Эксмо», 2019 — (Young Adult.
Романтическое немецкое фэнтези. Книга богов)

ISBN 978-5-04-157431-4

Шестнадцатилетняя Ливия живет в семье дипломатов, и каждые три года вместе с родителями отправляется в другую страну. Недавно она переехала Париж. В городе влюбленных девушка знакомится с таинственным парнем по имени Маэль. После этой встречи Ливия начинает замечать странные вещи. Оказывается, она понимает язык растений и может разговаривать с ними, а по ночам видеть удивительные сновидения. Ливия исследует свои необычные способности и догадывается, что ее встреча с Маэлем была не случайна.

УДК 821.112.2-312.9

ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-157431-4

© Лихт К., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Глава 1. Адская застава	6
Глава 2. Бунтарство для начинающих	19
Глава 3. Говорящая с цветами	33
Глава 4. Кофе и катакомбы	42
Глава 5. Жизнь и прочие неприятности	57
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Кира Лихт

Золото и тень

Kira Licht
GOLD UND SCHATTEN

GOLD UND SCHATTEN – DAS ERSTE BUCH DER GÖTTER
© 2019 Bastei Lübbe AG, Germany

© А. Зубарева, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1. Адская застава

«Воды... умоляю!»

Вздрыгнув, я огляделась по сторонам. В Париже к прохожим часто пристают попрошайки. В основном мужчины в замызганных куртках, которые просят деньги на своих собак. Или дети с широко распахнутыми глазами: они рассказывают, как голодают их семьи. Иногда можно встретить панков с яркими волосами, те нагло кланчат мелочь. Но чтобы засыхающий одуванчик просил воды – это, скажем так, довольно необычно.

Я вздернула подбородок и стала глядеть на другую сторону улицы. От проносящихся мимо машин поднимался ветер, и подол моего платья колыхался. Сосредоточусь-ка я на чем-нибудь другом, пока не загорелся зеленый сигнал светофора. Что там со временем? Я взглянула на изящные наручные часы, плотно обхватывающие мое левое запястье. По кожаному ремешку видно: они не новые. Да и на корпусе позолота в некоторых местах стерлась. Большая стрелка, с каждой минутой ползущая вперед, дрожит, как стебель на ветру. Часы достались мне от прабабушки, это память, которой я дорожу, раритетная вещица, они очень мне нравятся.

«Воды... умоляю...»

В голове зазвучал голос. Он слышался мне четко и ясно, такое трудно игнорировать. Я знала: от этого есть таблетки. И от голосов, и от галлюцинаций. Но я боялась обратиться за помощью. Мысль о том, как окончательный диагноз может повлиять на мою жизнь, вызывала у меня дрожь.

«Пожалуйста...»

Я опустила взгляд на свои балетки, затем невольно посмотрела правее по тротуару. Одуванчик выбрал неудачное место, чтобы вырасти. Его стебель и листья с трудом пробивались через узкую расщелину между светофором и асфальтом. Ну как его не пожалеть...

«Прошу вас...»

Ладно уж. К счастью, достаточно произнести ответ мысленно – и друзья-растения меня услышат. Это я выяснила несколько недель назад. Оглядевшись, словно какой-нибудь тайный агент, я вытащила из сумки бутылочку воды. Открутила крышку и не глядя наклонила в сторону одуванчика. Плеск, брызги – и мою правую ногу обдало незапланированным душем. Просто отлично. Незаметнее некуда!

Большинство людей, стоящих на другой стороне тротуара, были погружены в свои телефоны. Остальные же пристально наблюдали за красным человечком на светофоре у меня над головой. Торопливо закрутив крышку, я убрала бутылку.

«Покорнейше благодарю».

«Не за что».

Пусть я спятила, но зато голоса обращаются ко мне с особой вежливостью. Почему-то я не сомневалась: у этой болезни бывают проявления и похуже.

На светофоре загорелся зеленый свет, и я перешла дорогу. Сердце сжималось от предвкушения. Еще немного – и я окажусь перед входом в катакомбы! До Монпарнаса я добралась на метро, на станции «Данфер-Рошро» вышла и направилась напрямик к вымощенной брусчаткой площади, посреди которой стояла большая скульптура льва. Остановившись, я попыталась сориентироваться. И тут заприметила темно-зеленый домик, где и располагался вход в катакомбы. К домику прилегал скверик – клочок зелени, окруженный низенькой оградой. Рядом с площадью Данфер-Рошро находятся три сквера, видимо, это один из них. Я же нарочно решила пойти туда, где надоедливые сорняки не пристанут ко мне с разговорами. Впрочем, сейчас меня пугала собственная храбрость. Древние слои уходят под землю на глубину более двадцати метров. Ровно сто тридцать шесть ступенек – и мы переносимся из утомительной суеты настоящего на сорок пять миллионов лет в прошлое. Так написано в путеводителе. Само собой, мне

не терпится увидеть кости, искусно разложенные в подземном оссуарии... но, если говорить начистоту, их история привлекает меня куда больше. На протяжении столетий люди оставляли здесь следы своих эпох: религиозные символы, надписи на латыни, масонские знаки... А сколько великих умов Франции обрели тут свое последнее пристанище! Аж дух захватывает! Марат, Монтескье, Дантон, Робеспьер... Список можно продолжать чуть ли не бесконечно.

Сегодняшнюю экскурсию проводит археолог из Парижского городского музея. Я и сама не заметила, как ускорила шаг. Чем больше об этом думаю, тем сильнее сгораю от нетерпения. Взглянув налево, я увидела за ограждением еще один сад – наверное, это второй сквер Монпарнаса. Если лето напоследок порадует нас теплыми деньками, то лучшего места для пикника с друзьями не найти. Впрочем, я не стала рассматривать сквер – все мои мысли были заняты катакомбами – и свернула с площади на одну из улочек. Вход в катакомбы вон там, на другой стороне дороги. Группа из нескольких человек стояла у домика, другие организованно выстроились в очередь и, судя по всему, ждали открытия. Туристы то и дело останавливались, чтобы сделать фотографии. На широком тротуаре перед входом в катакомбы было оживленно, словно на ярмарке. Я с изумлением оглядывала пеструю толпу. Кто бы мог подумать, что на этой улочке окажется таклюдно?!

Дорожное движение в час пик – это настоящая пытка. Парижане вообще гоняют как сумасшедшие. Вот и сейчас величественного льва на постаменте они объезжали так лихо, что хоть кино снимай. Колеса гремели по мостовой, словно град пуль. Похоже, все торопятся вернуться домой и приступить к заслуженным выходным. Я не сразу услышала звонок телефона, потому что сосредоточенно высматривала просвет в потоке машин. Не хватало еще, чтобы меня раскатало в почтовую марку...

– Да, мам.

– Привет, дорогая. Я просто хотела напомнить, чтобы ты была осторожнее. Ничего там не трогай. Ты ведь недавно болела!

– Хорошо, мам.

Из-за уличного шума маму почти не было слышно. Мне не хотелось гадать, что она говорит, поэтому я свернула с улицы и немного прошла вдоль сквера.

– Сколько продлится эта твоя экскурсия?

– Минут сорок пять. Но у входа очередь, и я не знаю, когда музей откроется. Возможно, все немного затянется.

– Ну а официально когда начало? – В мамином голосе явно слышалось недовольство.

– В половине шестого. Если экскурсия начнется вовремя, то в четверть седьмого я уже освобожусь. Но выход из катакомб ведет на улицу Реми Дюмонсель. До метро оттуда идти прилично. Думаю, я вернусь домой около семи.

– Хорошо. Тогда мы не сядем ужинать без тебя.

Я тяжело вздохнула.

– Вам необязательно меня дожидаться. А вдруг я задержусь?

– Я пришлю за тобой машину.

Еще чего! И без того неловко, что у моего отца, американского посла, и в Париже есть личный водитель. На улицах Кореи лимузином никого не удивишь. Здесь же машину провожают недоуменными взглядами и даже фотографируют.

– Не надо, мама. В этом нет никакой необходимости. На метро быстрее. К тому же, как я узнаю город, если все время буду ездить на лимузине с тонированными стеклами? Глупость полнейшая. Да и потом, это неловко.

Увлечшись разговором, я чуть было не налетела на какого-то бродягу. Он сидел, прилонившись к ограде, кутался в одеяло и что-то шептал себе в длинную бороду. Я невнятно извинилась.

– Что случилось? – тут же поинтересовалась мама.

– Я чуть было не врезалась в прохожего.

– Mon dieu!.. – неодобрительно воскликнула мама на другом конце линии. – Боже мой!..

Похоже, она в очередной раз убедилась, что мне лучше не разгуливать по Парижу одной.

– Mam, мне пора, – я обернулась и посмотрела на вход в катакомбы, – очередь становится все длиннее.

– Я отправлю за тобой машину.

– Но мам!

– До вечера, Ливия.

– Mam, это не...

Но мама уже отсоединилась. Я с негодованием уставилась на экран телефона. Может, перезвонить? Впрочем, я хорошо знаю свою маму. Она такая же упрямая, как и я. Если что-то вбила себе в голову – никогда не изменит своего решения. Я подумала было о том, чтобы бежать пораньше и отправиться домой на метро, но быстро отказалась от этой идеи. Во-первых, не хочу нарочно испытывать мамино терпение. Во-вторых, она наверняка сразу же позвонит в полицию и будет донимать стражей порядка, пока те не отправят на поиски сотню полицейских. Я вздохнула, смирившись с собственным бессилием, и убрала телефон в сумку.

Пришлось опять пройти мимо того же бродяги. Присмотревшись, я заметила, что он выглядит куда неряшливее, чем казалось на первый взгляд. Свалявшиеся длинные волосы, растрепанная запущенная борода... Колени укрыты рваным одеялом. Сидит бродяга на дырявой подстилке, плечом опирается на вещевой мешок, такой грязный, что невозможно сказать, какого цвета он был изначально. Я подавила желание перейти на другую сторону улицы, чтобы не проходить мимо, и мысленно себя отругала. Это всего лишь немощный старик, который разговаривает сам с собой! И все же, приблизившись к нему, я незаметно отвела взгляд.

– Ты хранишь воду... хранишь в себе воду. И если небеса... – Старик осекся и закашлялся, да так сильно, что затрясся всем телом.

– Вы в порядке, месье? – остановившись, спросила я. – Хотите, я вызову вам «Скорую»?

Бродяга поднял голову, и я испуганно отшатнулась. Слепыми глазами он водил из стороны в сторону и словно что-то искал. Испещренные шрамами веки нервно подергивались.

– Тебе понадобится вода, – запинаясь, пробормотал он. – Прислушайся к моим словам...

– Эм, да... Я внимательно вас слушаю... – Я растерянно огляделась по сторонам. Может, позвать на помощь? Похоже, этот старик не в себе.

– Если небеса падут, тебе понадобится вода! – с отчаянием в голосе произнес он. – Вода!

– Вода, поняла.

Но как мне выпутаться из этой ситуации?

– Ступай. – Старик выпрямился, дрожа всем телом. – Ты должна идти! Не теряй времени!

Все, на что я оказалась способна, – это кивнуть. Потом торопливо отвернулась и оглядела улицу. Пусто. Машин не видно до самой площади. Воздух словно звенит от напряжения. И – мертвая тишина. Даже птицы в зарослях притихли. Что происходит?!

– Иди! – закричал старик, да так громко, что его голос перешел в хрип и оборвался.

Я побежала – через дорогу, несколько метров по тротуару. И только потом обернулась. Старик сидел на том же месте и бурно жестикулировал, тыкая в пустоту. Я направилась к площади, сердце у меня бешено колотилось. Старик явно спятил... но его слова не шли у меня из головы. Вода? Небеса? Когда он прогонял меня, улица вдруг опустела. А сейчас машины проносятся мимо чуть ли не каждую секунду. Что это, совпадение? Меня охватил хорошо знакомый страх. Все произошло взаправду? Связано ли это со случаем, случившимся со мной странно-странно? С моими снами? С голосами и галлюцинациями? Я расправила плечи. Тот бродяга явно болен. Умом тронулся, да и стар к тому же. Готова спорить, из-за алкоголя и наркотиков его мозги стали как швейцарский сыр – в дырочку. На самом деле его слова не имеют ко мне отношения. Он меня даже не знает. Так. Хватит себя накручивать! Я обернулась в последний раз.

Старик кричал на двух молоденьких девушек, которые шли под руку. Издалека я не слышала слов. Втянув голову в плечи, девушки побежали прочь. Я с облегчением отвернулась. Судя по всему, старик пугает своими бредовыми пророчествами всех прохожих.

До катакомб оставалось совсем немного. Под ложечкой засосало от предвкушения. Я ждала этой экскурсии с тех самых пор, как мы приехали в Париж, и не позволю ни маме, ни сумасшедшему бродяге все испортить.

Перед входом собралась такая толпа, что я растерялась и невольно замедлила шаг. Двери все еще закрыты. Японские туристы – все как один одетые в светлые бермуды и рубашки-поло – увлеченно переговаривались. Наверное, обсуждали, есть ли смысл становиться в очередь. В Интернете пишут, что количество участников экскурсии ограничено – всего двести человек. Следующая экскурсия состоится только завтра. Поэтому я поторопилась занять очередь, надеясь, что мне удастся раздобыть билет.

Ожидая открытия, я заметила компанию моих ровесников, они стояли у ограды и разговаривали. Двое в рубашках с гербом элитарного лица Людовика Великого. Громко смеясь, они показывали друг другу что-то в своих смартфонах и, похоже, не замечали ничего вокруг. Один из них сразу привлек мое внимание, и не только потому, что ростом был на целую голову выше своих друзей. Увидев его лицо, я пожалела, что не умею рисовать. Выразительное, с большими темными глазами, острыми скулами. В меру широкий квадратный подбородок придавал его чертам мужественности. Одет в черные узкие джинсы с подворотами, серые туфли-эспадрильи и рубашку с глубоким треугольным вырезом, подчеркивающим спортивную фигуру. На запястьях тускло поблескивают грубые браслеты, с шеи свисает тонкий кожаный шнурок. Интересно, как выглядит подвеска, спрятанная под рубашкой? На плече – переброшенная назад сумка, ее лямка делит торс на два равных треугольника. Спереди кожаный ремень похож на часть боевой экипировки.

Я подошла к дверям музея и снова украдкой посмотрела на незнакомца. Он казался старше своих друзей, но проявлялось это не во внешности. Было в нем что-то... это трудно описать словами. Внутреннее спокойствие, едва уловимое ощущение собственного превосходства. Его друзья рядом с ним казались кучкой шумных дошкольников. Я уже собиралась отвернуться, как незнакомец вдруг вскинул голову. Напрягся, словно тетива лука, и посмотрел мне прямо в глаза. Взгляд его был вопрошающим, но в то же время – настолько пронзительным, что я застыла. Первым порывом было броситься прочь – незнакомец напоминал хищника, вышедшего на охоту. Он улыбнулся, но даже тогда из его позы не исчезла настороженность. Я машинально улыбнулась в ответ. Незнакомец смотрел на меня так долго, что стало ясно: мы не случайно встретились взглядами. А потом он повернулся к своим друзьям. Только тогда я поняла, что задержала дыхание.

Между тем толпа перед входом в катакомбы пришла в движение. Некоторые туристы уже скрылись за дверями. Вернувшись в очередь, я оказалась к юноше спиной. Если обернусь, это бросится в глаза. Я подавила соблазн – пусть и не без сожаления.

Дальше дело пошло на удивление быстро. Раз – и я уже стою в изгибе очереди, почти перед входом. Я кинула беглый взгляд в сторону незнакомца. Тот как ни в чем не бывало беседует со своими друзьями. Разочарованно отвернувшись, я почувствовала легкую досаду – неужели я и правда решила, что самый привлекательный юноша Парижа будет со мной заигрывать?

Стоило переступить порог домика, как меня обдало влажным холодом. Надеюсь, в катакомбах не холоднее, чем здесь. Легкое платье на бретельках вряд ли надолго удержит тепло.

Кассир лучезарно улыбнулся и сказал лишь два слова:

– Билеты распроданы.

– Но...

– Секундочку! – наклонившись, он принялся копаться в бумагах у кассового аппарата, и его мышино-серые кудряшки задрожали, точно сотня маленьких пружинок. – Вот, – он неуклюже выпрямился и положил передо мной глянцевый лист формата А4. – Настоятельно рекомендую посетить эту выставку.

– Но я бы хотела...

– Чарующий известняк, – с особой торжественностью перебил меня собеседник.

– Известняк? – переспросила я без особого энтузиазма.

Кассир манерно откинул кудри со лба, но буквально через секунду те вернулись на место.

– Это удивительная, просто удивительная выставка. Чего стоит одно название! «Чарующий известняк: между древностью и современностью». Прелесть, – он поднял на меня сияющие глаза. – Звучит интересно, скажите!

– Ну, даже не знаю.

Я коснулась глянцевого листа и указательным пальцем пододвинула его к себе. Мне хотелось посетить катакомбы, увидеть надписи, кости, в общем, полный набор! Флаер же обещал «красочное путешествие в мир известняка». Насколько я знаю, известняк нельзя назвать красочным, да и путешествия он не заслуживает.

– Сегодняшнюю экскурсию проводит Жерар Мартинес, он известный седиментолог, специализируется в области карбонатных отложений, – прошептал мой собеседник, словно речь шла о строго конфиденциальной информации.

– Выставка посвящена только камням? – поинтересовалась я, за что получила недоуменный взгляд.

– Что значит «только камням»? Это удивительная, просто удивительная...

– Ладно, – вздохнула я. Раз уж пришла, так надо хоть что-нибудь посмотреть. – Один билет, пожалуйста.

– Хороший выбор, – и кассир просиял, словно я сознательно решила не ходить в катакомбы и предпочла им выставку. Было в этом что-то... зловещее.

Заплатив, я получила билет, а к нему – рекламный проспект.

– Вас заберут из вестибюля. Выставка проходит в залах перед катакомбами, в так называемых «Трех галереях». Она начнется одновременно с экскурсией по катакомбам. Первой спустится группа, которая отправится в катакомбы, за ней – ваша. И не волнуйтесь, Жерар – удивительный, просто удивительный...

– Спасибо, месье, – сказала я и отошла от кассы. И как я позволила себя на такое уговорить?

Очередь за мной увеличилась, да и во всем зале, громко переговариваясь, толпились посетители. Я отступила к окну: не люблю суету. Снова пробежалась взглядом по флаеру. «Тремя галереями» называют залы, расположенные непосредственно перед катакомбами, в период индустриализации их перестроили и расширили. В наши дни они используются для выставок, лекций и киносъемок. Я почувствовала облегчение, прочитав, что выставка продлится примерно столько же, сколько экскурсия по катакомбам. Раньше это не приходило мне в голову.

Перед кассой столпились японские туристы, они на смеси японского, французского и английского обсуждали, стоит ли сорок пять минут разглядывать известняк. Я разделяла их опасения. В вестибюле тем временем собралось такое количество народу, что все стояли друг к другу вплотную. Я больше не видела проход в катакомбы, как бы ни крутила головой. К сожалению, я не унаследовала от родителей ни высокий рост, ни стройное телосложение. Если верить маме, фигурой я пошла в бабушку Серафину, говорят, она была выдающимся кондитером, но это – слабое утешение. С родителями мы смотримся так, словно два эльфа по какой-то необъяснимой причине усыновили девочку-хоббита. У меня нет ни кудряшек, ни волосатых

ног, но в остальном – полное попадание. В любой модной одежде я выгляжу крайне нелепо. Но открыв для себя платья в стиле пятидесятых годов, я все-таки смирилась со своей фигурой.

Я привстала на носочки, пытаюсь рассмотреть помещение. Куда там! Кто-то задел мое плечо рюкзаком. Я придвинулась к окну, стекло было таким грязным, что казалось матовым. Между оконными ручками висела паутина. Я не падаю в обморок при виде членистоногих с восемью лапами, но и не обрадуюсь, если они начнут по мне ползать!

Появились двое сотрудников музея и кратко представились, их звали Мишель и Жерар. Они строго-настрого наказали нам ни при каких обстоятельствах не сворачивать с основных дорожек, мол, заблудиться в катакомбах – это самое безобидное, что может случиться. Жерар объяснил: маленький зеленый домик, в котором мы находимся, не зря называют *Baggière d'Enfer*, что переводится с французского как «Адская застава». Некоторые туристы захихикали, как подростки.

И вот экскурсии начались. Первым повел свою группу Мишель. Опаздывающие поспешили за ним, и я почувствовала, как толпа так и прет на меня со спины. Через некоторое время Жерар поднял руку, чтобы привлечь к себе внимание, и направился следом. Пока мы по одному спускались по винтовой лестнице, становилось все холоднее. Наконец, мы оказались в первой галерее. В одной стене, в самой ее середине, чернотой зияла дыра – видимо, тот самый пресловутый туннель, куда категорически нельзя входить без сопровождения. Туннель не отличался высотой, стены его были выложены грубо обтесанным камнем, а в глубине царил непроглядная темнота. Я отвела взгляд, почувствовав легкую тошноту. Неужели кто-то сунется туда добровольно?! Мне кажется, именно так выглядит путь в ад.

Жерар начал экскурсию с рассказа о катакомбах и подземных каменоломнях в целом. Посетители рассредоточились по небольшому помещению, пытаюсь занять каждый сантиметр свободного пространства.

Я думала, что голос экскурсовода эхом заполнит зал, но этого не произошло. Казалось, тусклые каменные стены, окружающие нас, поглощают все звуки, впитывают их, словно древний ненасытный зверь.

– Эти катакомбы более двух тысяч лет использовались как карьеры. Только в конце восемнадцатого века здесь стали устраивать захоронения. Поэтому катакомбы делятся на две части: на карьеры, они тоже включают в себя три галереи, и на так называемый оссуарий, его еще называют склепом. А теперь я расскажу об особой структуре известняка, который...

Я слушала с интересом, пока не почувствовала, что за мной кто-то наблюдает. Машинально повернула голову и увидела силуэт, наполовину скрытый во тьме. Высокий, стройный и явно мужской силуэт. Какой-то мужчина стоял в проходе, ведущем в запретный туннель. Большинство посетителей выглядели напряженными или даже напуганными, а этот человек, казалось, чувствовал себя как дома. Он расслабленно опирался плечом на стену, его силуэт почти сливался с темнотой.

«Только не еще одна галлюцинация», – пронеслось у меня в голове. Сегодня столько всего произошло... Мне снова начинало казаться, что я схожу с ума. Я ожидала, что силуэт вот-вот исчезнет, растворится во тьме, но тень шагнула вперед. Я в ужасе затаила дыхание, готовясь убежать, а потом разглядела серые эспадрильи и черные узкие джинсы... Я узнала этого человека раньше, чем его лицо показалось из тени. Это же красавчик с улицы! Он пошел за мной. Наблюдал за мной. Он...

Я торопливо отвернулась. Не нужно об этом думать! Самое время вспомнить упражнения для снятия тревожности, которые я нашла в Интернете. Надо сделать глубокий вдох и расслабиться. Подумать о чем-нибудь другом. Я со всей силы ущипнула себя за руку. Больно! Зато поток мыслей иссяк. Я сделала еще один глубокий вдох. Ледяной воздух обжег меня изнутри.

Так, ладно. Попробуем сначала. Красавчик здесь. Ну и что? В конце концов, они с друзьями тусовались неподалеку от входа. Может, он, как и я, дожидался открытия музея. Почему

я разволновалась? Он и правда очень хорош собой, он мне улыбнулся, а теперь изучает меня так пристально, что я инстинктивно почувствовала его взгляд. Любая нормальная девушка будет польщена! Если честно, то совсем недавно и я обрадовалась бы такому вниманию, но сейчас вместо смущенного румянца у меня приступ паники... Глубоко вдохнув, я незаметно посмотрела в сторону прохода, но никого не увидела.

Покончив со вступительной частью экскурсии, Жерар повел нас в следующую галерею. Потолочные светильники озаряли помещение холодным светом, в его лучах каменные стены отливали голубизной. Кристаллики кварца, вкрапленные в камень, подсвечивали стены изнутри и придавали им зловещий вид.

Экспозиция, представленная во второй галерее, оказалась посвящена разным видам ископаемого известняка – ракушечнику, коралловому известняку, моллюсковому известняку, криноидному известняку, ну и так далее. Экспонаты стояли на подставках, расставленных по галерее так, чтобы посетители могли изучить их со всех сторон. В стороны отходили многочисленные туннели, вырубленные в толще камня. Некоторые из них такие узкие, что даже страшно, другие – либо перегороджены, либо завалены камнями.

Жерар рассказывал много интересного, но я так замерзла, что не могла сосредоточиться и думала только о ледяном холоде, который, казалось, просачивался в каждую клеточку моего тела. Я обхватила себя руками, тщетно пытаюсь согреться. Многие посетители взяли с собой теплые вещи, я же, собираясь, понадеялась на летнее тепло и лишь сменила привычные сандалии на кожаные балетки с твердой подошвой. На официальном сайте катакомб я нашла рекомендации по поводу обуви, но ни слова о том, что стоит надеть шубу. Я потеряла себя по голым плечам, пытаюсь избавиться от мурашек. Кончики пальцев казались ледяными.

За своими попытками согреться я чуть не отстала от группы. Смущенно оглядевшись, поняла, что почти все уже ушли. Три дамы средних лет, посмеиваясь, поспешили за остальными, и в галерее кроме меня остался один-единственный посетитель. Он стоял у дальней стены. Тот самый красавчик, я узнала его силуэт. Он внимательно смотрел на экран телефона. Странно, ведь в катакомбах наверняка не ловит сигнал... Незнакомец взглянул на меня и тут же опустил глаза. Такое ощущение, будто он ждет, пока я уйду, чтобы последовать за мной... Неужели у меня появилась нянька? Вот мама обрадуется, если узнает... Я направилась к выходу из галереи. И точно – стоило мне сдвинуться с места, как за спиной раздались гулкие шаги. Мне обрадоваться или испугаться?

Жерар повел нас в узкий туннель, который шел вниз под таким крутым уклоном, что я схватилась за поручень. Гладкие подошвы балеток не внушали мне особого доверия.

Воздух изменился – стал слишком влажным. От него веяло затхлостью и землей. Мне захотелось обернуться, но я не осмелилась. Незнакомец шел за мной. Я почти физически ощущала его присутствие, словно излучала ультразвуковые волны, которые отражались от него. Наверное, так чувствуют мир летучие мыши... Кожа вновь покрылась мурашками, но не из-за холода. От глупой панической атаки не осталось ни следа, и близость этого красавчика меня больше не тревожила. Очень странно, учитывая свойственную мне паранойю.

Услышав восхищенные возгласы, я заторопилась. Наверное, впереди что-то по-настоящему интересное! Взгляду открылась целая коллекция окаменелостей – безмолвных, навеки застывших свидетелей давно исчезнувшего мира... Есть в этом зрелище что-то величественное. На каменном пьедестале возвышался огромный аммонит. Потом я увидела наполовину откопанных трилобитов. Казалось, эти членистоногие вот-вот вырвутся из камня... Гигантский отпечаток папоротника напоминал наклейку. Все вокруг схватились за телефоны и стали фотографироваться. От третьей галереи отходило множество туннелей, но входы в них были перекрыты и снабжены предупредительными знаками.

Я огляделась, но красавчика не увидела. Похоже, он умеет оставаться незамеченным. Я быстро сделала несколько снимков и отошла в сторону, стараясь держаться подальше от

стен – казалось, от них по помещению расходятся волны холода. Я так замерзла, что уже не чувствовала пальцев ног. «Может, уйти с экскурсии?» – подумала я, украдкой взглянув на часы. Мурашки не сходят с кожи, наверное, сейчас я похожа на инопланетянку, покрытую колючками...

– Кажется, ты замерзла, – раздалось позади меня. Голос прозвучал мрачно, но в нем послышались насмешливые нотки. Я обернулась, уже зная, кого сейчас увижу. Красавчик стоял прямо передо мной, и я пришла к заключению, что вблизи он выглядит так же офигенно, как и издали. Он выше, чем я думала, плечи у него такие широченные, что на них хочется повиснуть, а на руках выступают жилистые мышцы. Наверное, надо что-то ответить, но из головы вылетели все мысли...

Сверкнув мимолетной улыбкой, незнакомец открыл свою сумку, вытащил из нее темно-синий пуловер и посмотрел на меня. Свет упал ему на лицо, и у меня перехватило дыхание. Темно-серые глаза цвета водной глади, о которую разбиваются последние лучи заходящего солнца... Они мерцали, притягивая к себе.

Впервые за все время мне захотелось, чтобы мои галлюцинации оказались реальными. Неужели это происходит на самом деле? Слишком хорошо, чтобы оказаться правдой...

– Возьми, – красавчик протянул мне пуловер. Этот жест выглядел так естественно, что сторонний наблюдатель, наверное, решил бы, что мы знаем друг друга очень давно.

– Большое спасибо...

Я слышала себя будто издалека. Так, хватит на него пялиться. Немедленно перестань! Сейчас же. Что он обо мне подумает?

– Ты очень любезен, – заученно проговорила я и торопливо натянула пуловер. Он почти доставал до подола моего платья, а рукава оказались настолько длинными, что скрыли кончики пальцев.

Незнакомец отступил на шаг назад, нахмурился и по-птичьи склонил голову набок.

– Забавно, – наконец сказал он. – Ты выглядишь так, будто села после стирки.

Я не смогла удержаться от смеха. Не надо смотреться в зеркало, чтобы понять: а незнакомец-то прав. Тоже засмеявшись, он протянул мне руку.

– Меня зовут Маэль.

– А меня – Ливия.

Я хотела было ответить на рукопожатие, но длиннющий рукав пуловера закрыл ладонь.

– Извини, – я торопливо задрала рукав и подумала: «Наверное, я похожа на ожившее пугало».

– Главное – избежать обморожения, – отозвался Маэль, пожимая мне руку. Моя ладонь идеально уместилась в его.

– И то верно, – сказала я и нехотя отпустила его. – Ты учишься в лицее Людовика Великого? – спросила я, просто чтобы нарушить молчание, и кивнула на пришитую к пуловеру эмблему.

– Верно, – улыбнулся Маэль. В пасмурно-серых глазах мелькнуло любопытство, и я почувствовала, как сердце забилося быстрее. – А ты вроде нет? Никогда тебя там не видел...

Мама хотела, чтобы я поступила в этот лицей, ведь он лучший в Париже. Но папа возражал – он считал, что мне нужно окончить Международную школу.

– С понедельника я буду учиться в Международной школе. Мы с родителями совсем недавно переехали в Париж.

Маэль встрепенулся и посмотрел на меня глазами мальчишки, который узнал, что на Рождество ему подарят игрушечный грузовик.

– Круто. А откуда ты приехала?

Я развела руками, но из-за длиннющих рукавов жест получился нелепым.

– Отовсюду – и ниоткуда.

На лице Маэля отразилось недоумение.

– Я из семьи дипломатов, – пояснила я. – Сам понимаешь. Каждые несколько лет мы переезжаем в новый город.

– Звучит здорово. Уж лучше так, чем провести всю жизнь в одном и том же месте.

– Но из-за вечных переездов у меня нет настоящего дома. Да и отношений, которые длятся дольше трех лет, – пожала плечами я. – Впрочем, все изменится, когда я окончу школу. Поступлю в университет, а потом найду работу без переездов...

– Какая жалость, – серьезно отозвался Маэль. Я не ответила, и он добавил: – Впрочем, у тебя еще есть год-два, чтобы определиться. Сколько тебе лет?

– Шестнадцать.

– Да, времени полно. – Маэль шутливо дернул меня за рукав. – Если, конечно, мой пуловер не съест тебя раньше.

Улыбнувшись, я покачала головой.

– Не думаю, что придусь ему по вкусу.

Мы с Маэлем встретились взглядами, и я почувствовала, как между нами проскочила искра. Казалось, воздух потрескивал от напряжения. Волоски у меня на руках встали дыбом. Маэль вздрогнул – видимо, он почувствовал то же.

– Тебе не наскучила эта экскурсия для пенсионеров? Тут недалеко проходит выставка стрит-арта, – произнес Маэль, кивнув вправо. – Не хочешь заглянуть?

Проследив взглядом за его кивком, я увидела узкий проход, прорубленный в стене. В его глубине таилась темнота, встречающая незваных гостей бездонной черной пастью.

– «Тут недалеко» – это где?

Идея провести время с Маэлем казалась мне крайне соблазнительной. Сердце сладко замирало при мысли о том, что он явно этого хочет. Но я сомневалась, что «тут недалеко» есть что-то, кроме каменных стен, мрака и жуткого холода.

Краем уха я слышала, что Жерар продолжил лекцию, но сейчас для меня существовал только Маэль.

– Вон там, – сказал Маэль и снова кивнул куда-то вправо, будто это все объясняло. От его дерзкой ухмылки у меня по спине пробежала дрожь.

Я обещала маме, что вернусь домой сразу же после экскурсии. Задержусь – она будет рвать и метать. Если водитель не найдет меня у выхода из катакомб, то немедленно позвонит родителям. Мама накрутит отца, и в итоге мне разрешат выходить из дома только в школу. Мы в Париже уже больше месяца, а мама все еще боится, что я потеряюсь! Раньше мы жили в Сеуле. В Сеуле! Понимаете? После сверкающего огнями Сеула с его передовыми технологиями и никогда не смолкающим шумом Париж кажется сонным пригородом.

Я снова подумала о предложении Маэля. Оно звучало заманчиво, но всем известно, что с незнакомцами ни в коем случае нельзя никуда ходить. Я не знаю Маэля, он – незнакомец, который почему-то заметил, что я замерзла. А вдруг Маэль куда-нибудь меня затащит, заткнет мне рот клепом, свяжет и...

Маэль с наигранным упреком покачал головой:

– Похоже, кое-кто пересмотрел ужастиков.

– Я читаю газеты, мне этого хватает.

Словно в замедленном действии я увидела, как Маэль растягивает губы в улыбке и оглядывает меня с ног до головы. Мне почудилось, что в его глазах с новой силой вспыхнул интерес.

– Чего ты боишься? – Маэль подошел ближе, и я тут же почувствовала тонкий запах его парфюма. – Что я захочу тебя похитить? Или нападу на тебя? Заткну клепом рот и оставлю истекать кровью?

– У тебя какие-то большие фантазии, – прошептала я.

– Как и у тебя. В противном случае ты давно бы пошла со мной.

Я вздохнула.

– Так, ладно. Чего ты боишься? – спросил Маэль.

– Своих родителей.

Недоверчиво посмотрев на меня, Маэль сделал шаг назад.

– Кого? – спросил он так громко, что некоторые из присутствующих с любопытством оглянулись.

Какой-то мужчина шикнул. Маэль уставился на него и смотрел до тех пор, пока тот не отвел взгляд. Ну и темперамент! Как бурлящая магма, которая при малейшей возможности вырывается на поверхность. Но потом Маэль повернулся ко мне, и у него внутри словно щелкнул выключатель. Он снова стал самым спокойствием. Я заворуженно наблюдала за ним.

– Что-то не так? – поинтересовался Маэль, выгнув бровь.

– Он лишь хотел, чтобы мы вели себя потише. Думаю, он работает учителем. У них такое входит в привычку.

– Он полез не в свое дело, – фыркнул Маэль. – Я сделал бы из него куриное фрикасе, скажи он хоть слово.

– Фрикасе? – переспросила я. – А при чем тут куриное фрикасе?

Надеюсь, что Маэль шутит.

Маэль пропустил мой вопрос мимо ушей.

– Вернемся к твоим родителям. Тебе что, надо спрашивать у них разрешение?

Я поморщилась.

– А твои родители не хотят знать, когда ты вернешься домой?

На безразличном лице Маэля отразилось какое-то чувство. Что это, грусть? Недоумение? Гнев? Но потом Маэль взял себя в руки, и его лицо снова превратилось в непроницаемую маску.

– Ливия, я не собираюсь тебя уговаривать.

Маэль впервые назвал меня по имени, и то, как он его произнес... Ничего прекраснее я сегодня не слышала! «Л» прозвучала мягко и соблазнительно, а гласные в конце – на экзотический манер. «Интересно, – подумала вдруг я, – точно ли его родной язык французский?»

Внутри меня шла борьба. Пойти или нет? Маэль или спокойствие родителей? Если пойду, то получу его номер телефона, если нет, то останусь образцово-показательной дочерью и совесть моя будет чиста...

– Я могу задержаться максимум на полчаса.

Маэль, казалось, уже знал о том, что я соглашусь.

– Я пойду и все улажу.

С этими словами Маэль направился к Жерару. Перебил его и махнул рукой в мою сторону. До меня донеслось что-то про «тошноту» и «выйти на улицу». Жерар предложил вывести нас, но Маэль отказался, вернулся ко мне и повел прочь. Некоторые посетители провожали нас сочувствующими взглядами, а я сосредоточилась на покалывании, которое распространялось по телу с той секунды, как Маэль с притворной заботой взял меня под руку.

Из третьей галереи мы вышли в узкий длинный коридор, и Маэль повел меня во вторую галерею. Я так волновалась, что всю дорогу молчала. Правильно ли я поступаю? Маэль, конечно, классный, но... Вдруг он солгал? Вдруг «Маэль» – это даже не его настоящее имя? А что, если он...

Маэль резко остановился и повернулся ко мне.

– Ты все еще боишься меня.

Я поспешно замотала головой. Он что, читает мои мысли?!

Маэль вытащил из заднего кармана слегка потрепанный бумажник. Достал удостоверение личности и сунул его мне под нос.

– Вот он я.

– Ты что, это совсем необязательно... – пробормотала я, но все же скользнула взглядом по документу. Маэль Анжу, семнадцать лет, проживает в Париже на улице Дампьер.

– Нет, обязательно, – серьезно посмотрел на меня Маэль. – Сфотографируй.

– Нет...

– Давай уже. – По голосу Маэля стало понятно, что в противном случае он и с места не сдвинется. Я наклонила телефон и сфотографировала его удостоверение.

– В туннеле, ведущем в первую галерею, ловится сигнал. Отправь фото тому, кому сочтешь нужным, и успокойся уже, – сказал Маэль. Мне показалось, что он злится, но потом он улыбнулся и добавил: – Будь мы в фильме ужасов, ты вытащила бы нож и прирезала бы меня в каком-нибудь темном закутке. Обычно безобидные опаснее всех.

– Так вот что ты обо мне думаешь, – рассмеялась я.

Пожав плечами, Маэль убрал удостоверение в бумажник.

– Я бы не возражал, реши ты меня прирезать.

– Да ты просто псих, – сказала я, чувствуя, как от смущения у меня вспыхнули щеки.

– Хм-м-м, – протянул Маэль, направился вперед и, обернувшись, добавил: – Ты меня еще плохо знаешь. А теперь спрячь свой нож и следуй за мной.

Я покачала головой и поспешила догнать его.

– Куда мы идем?

– Ты как маленький ребенок, – вздохнул Маэль. – «Куда мы идем? Когда придем? А когда пойдем обратно?»

Я не поняла, что он издевается, пока не посмотрела на него. Ну и ладно.

– Почему тебе не холодно? – спросила я.

– Супергерои не мерзнут, – отозвался Маэль, поигрывая бровями.

– Все с тобой ясно, Бэтмен.

Не удержавшись, я снова на него посмотрела. Какой же он неотразимый! Не заметив на полу яму, я споткнулась и, потеряв равновесие, налетела на Маэля.

– Похоже, тебе нравится бить безобидных юношей, – Маэль театрально потер ушибленное плечо.

Я проглотила смешок. Маэля можно назвать каким угодно, но только не безобидным. Я сбивчиво извинилась. Маэль криво усмехнулся. Он явно хотел меня подразнить.

– Нам туда, – он кивнул в сторону узкого прохода, перегороденного толстой цепью. К ней была прикреплена желтая табличка «Вход воспрещен».

Я испуганно посмотрела на Маэля.

– Но туда нельзя, – возразила я, машинально понизив голос.

Маэль наклонился и шепнул мне на ухо:

– Знаю.

Я испуганно отшатнулась от него и скрестила руки на груди. Из-за длинных рукавов сделать это оказалось не так-то просто. Маэль почти сочувственно наблюдал за моими манипуляциями.

– Где находится эта твоя выставка? – спросила я.

– Здесь, в катакомбах.

– Тогда почему бы нам не пойти по разрешенной дороге?

– Потому что выставка проходит в закрытом для публики зале.

Я резко втянула в себя воздух. Мне доводилось читать о незаконных выставках, проводимых в закрытой части катакомб. Эти выставки вызывают настоящий хайп, в «Инстаграме» можно найти много фоток. Еще там проводятся легендарные тусовки, за которыми следуют полицейские облавы – для борьбы с незаконной деятельностью был создан специальный отдел полиции. Между властями, управлением музея и катафилами – или «друзьями катакомб», как они себя называют – частенько случаются стычки. Здесь, глубоко под землей,

катафилы создали царство, где не беспокоятся ни о правилах противопожарной безопасности, ни о сохранности собственных жизней. В Интернете им поклоняются и восторгаются, пресса называет их «легкомысленными самоубийцами», а власти – «нарушителями общественного порядка, попирающими закон».

Маэль внимательно наблюдал за мной, словно пытаясь понять мою реакцию.

– Так ты катафил, – безо всякого выражения произнесла я.

– Если я сейчас кивну, то ты с криками убежишь?

Я молча покачала головой. Сердце колотилось с такой силой, что, наверное, даже Маэль слышал его стук. Маэль, в свою очередь, тоже насторожился. Вена у него на шее запульсировала. Маэль приблизился ко мне, и я невольно подалась ему навстречу, распрямив скрещенные на груди руки.

– Я знаю эти катакомбы как свои пять пальцев, – заявил Маэль, он поднял руку, как будто хотел успокаивающе погладить меня по плечу, но потом опустил ее. – С тобой ничего не случится, обещаю. Все катафилы знают, какие ходы безопасные, а какие – нет. Мне было тринадцать, когда я спустился сюда впервые. Я прихожу сюда каждую неделю вот уже четыре года. Эти катакомбы стали для меня вторым домом.

Мама с папой с ума сойдут, если когда-нибудь об этом узнают, но сейчас я не хочу думать о родителях. Не могу думать о родителях. Стоило Маэлю приблизиться ко мне, как мир сузился до бабочек, танцующих у меня в животе.

– Эту выставку посещают не только катафилы, но и обычные люди. Мы никогда бы не организовали ее в опасном месте. Ливия, эти катакомбы простоят еще много сотен лет.

Я кивнула, не глядя на Маэля.

– Значит, ты согласна? – тихо спросил он.

– Да, – вскинула голову я.

В ответ Маэль ослепительно улыбнулся, и я подумала, что этой улыбки хватило бы, чтобы осветить все туннели катакомб.

– Тогда вперед.

Маэль подошел к проходу и, ловко перепрыгнув через ограждение, галантно протянул мне руку.

– Прошу вас.

Я закатала рукава, приблизилась к проходу и взяла Маэля за руку. Приподняла подол платья и перешагнула через цепь. Цепь тихо звякнула. Маэль оказался так близко, что мы почти столкнулись. Бабочки вихрем взлетели у меня в животе.

– Видишь, это совсем не трудно, – прошептал Маэль. Он по-прежнему сжимал мою руку. – Ну что, уже чувствуешь себя иначе?

В неровном, приглушенном свете черты его лица казались более резкими, глубокими. Иссиня-черные волосы сливались с темнотой. Я снова подумала о том, что Маэль выглядел так, словно находился в своей стихии.

– Иначе? – шепотом переспросила я.

– Бунтаркой, которая вот-вот нарушит закон?

Я могла бы в подробностях расписать свои ощущения, но они не имели ничего общего с нелегальной выставкой.

Медленно, почти нехотя, Маэль отпустил мою руку и вытащил из сумки фонарик.

– У нас мало времени. От твоих тридцати минут скоро ничего не останется. Смотри, куда идешь, и держись ко мне поближе. Нельзя, чтобы свет привлек чье-либо внимание, поэтому я включу фонарик только тогда, когда мы отойдем от галереи подальше. Не хочу рисковать.

– Поняла.

– Тогда ладно, – сказал Маэль и пошел вперед.

Я последовала за ним в темноту.

– Маэль?

– Что?

– Ты сказал, что хочешь сделать из того мужчины куриное фрикасе... ты же говорил несерьезно?

– А вот об этом, цыпленочек, я расскажу тогда, когда мы доберемся до места.

После этих слов я засомневалась, что поступила правильно, последовав за незнакомцем в подземный мир Парижа.

Глава 2. Бунтарство для начинающих

Маэль включил фонарик.

Ну наконец-то! А не то еще несколько шагов – и я, наверное, сломала бы себе шею. Я два раза чуть не упала, налетев на торчащие из земли камни. Меня обволакивала темнота – я словно нырнула в океан. Черный и невероятно спокойный океан. Из-за полного отсутствия посторонних звуков я все время держалась настороже. Инстинкты подсказывали: что-то не так. К тому времени я поняла – уж лучше шум, чем эта всеобъемлющая, неестественная тишина. Конечно, я слышала звук шагов идущего впереди Маэля, а сама так вообще двигалась в два раза громче, но... то, что мы были единственным источником шума, вызывало ощущение неправильности происходящего. Вдобавок к этому темнота повлияла на чувство равновесия. Опасность подстерегала на каждом шагу, пройденные метры сливались в бесконечность.

После того как свет фонарика выхватил из темноты грубо отесанные каменные стены, мне сразу стало легче. Судя по всему, даже тусклое освещение действовало на меня умиротворяюще. От тоненького лучика я ожила, как цветок на утреннем солнце. Я выдохнула с таким облегчением, что Маэль, не останавливаясь, оглянулся на меня через плечо.

– Темноты боишься? – весело поинтересовался он.

– Конечно, нет!

Я не боюсь темноты своей комнаты. Но когда идешь по темному туннелю на глубине двадцать метров под землей, то легкая тошнота – дело обычное. Во всяком случае, так мне кажется.

– Уверена? – отозвался Маэль.

Проигнорировав насмешку в его голосе, я спросила:

– Как становятся катафилами? У вас есть какой-нибудь ритуал посвящения? Что надо сделать, положить руку на череп и поклясться в вечной верности?

Такая церемония отлично бы дополнила мрачную обстановку. Воздух вокруг был холодным и на удивление плотным. Глубокий вдох – и в легкие как будто влили ледяной воды. Но куда больше меня смутил запах каменных стен. В нем явственно ощущались металлические нотки, мне даже показалось, что я почувствовала их на языке.

– Мы не какая-нибудь секта, – отозвался Маэль таким тоном, словно я оскорбила его до глубины души. – И черепа нас мало интересуют.

– Но здесь повсюду черепа! Зачем вообще приходить, если не ради них?

– Ради них приходят только туристы, – сказал Маэль.

В следующую секунду я от неожиданности уткнулась ему в спину. Удивленно вскрикнула и машинально схватилась за стену, чтобы не упасть. Почему Маэль остановился? Он обернулся ко мне, скрипнув подошвами обуви по неровному полу.

– Хочешь посмотреть на черепа? – спросил Маэль. Даже в тусклом свете фонарика было видно, как заблестели его глаза. – Я покажу тебе свое любимое захоронение. Если, конечно, хочешь. Кости там разложены особенно живописно.

Некоторое время я задумчиво рассматривала его лицо. Что же выходит? Маэль здесь не из-за черепов, но при их упоминании глаза у него загораются, как у ребенка в канун Рождества? Слово «противоречие» выходит на совершенно новый уровень.

– Ну, что скажешь? Вообще-то я уже должен был добраться до своих, но ради тебя, так и быть, сделаю небольшой крюк, – заявил Маэль.

Да уж, терпение точно не входит в число его добродетелей – он разве что на месте не подпрыгивает. Итак, что мы имеем? Мне хочется увидеть оссуарий. Поэтому я и решила посетить парижские катакомбы. Я бы никогда не притащилась сюда ради «очарования известняка».

Сейчас мне выпала возможность сходить на экскурсию, о которой я мечтала. Конечно, эта экскурсия будет не особо профессиональной и подробной, но зато ее проведет Маэль...

– Не хочешь? – испытующе посмотрел на меня Маэль. – Ладно, тогда идем дальше. Я и так уже на полчаса опаздываю.

– Но... – начала было я, но осеклась.

– Но – что? – Маэль криво усмехнулся.

Внезапно я почувствовала себя мухой, попавшей в блестящую паутину.

– Хочу, – сказала я.

Ой, прозвучало просто ужасно.

– Эм-м-м... То есть да, хочу. – Так не лучше. – Я буду очень рада, если ты покажешь мне оссуарий!

– Уверена? Там много черепов и костей.

Я кивнула, несмотря на легкую тошноту. Впрочем, теперь к ней прибавилось предвкушение. Наконец-то я увижу место, хранящее настоящую историю! Как же я очарована этим подземным миром! Чем дольше я здесь, тем сильнее моя жажда узнать побольше.

– Ты точно уверена? На все сто процентов? – снова принялся дразнить меня Маэль.

– Конечно. В нашем возрасте у каждого должно быть свое любимое захоронение.

Маэль сдерживал ухмылку, я видела это по его лицу. Он прищурился и склонил голову набок, с интересом меня разглядывая.

– Правильно мыслишь. Если закрыть глаза на то, что ты надо мной смеешься.

– Что?! – Я демонстративно схватилась за сердце. – Да я бы никогда!

– А ты ведешь себя довольно нахально... для человека, который блуждает по туннелям протяженностью в триста километров. – Маэль наклонился ко мне. – И вдобавок совершенно не ориентируется.

Он пытался выбить меня из колеи, и... ему это удалось. Да, сомневаться не приходилось. Я занервничала – Маэль оказался совсем близко, да еще и издевался... Меня нельзя назвать воплощением находчивости, но сейчас я придумала, как осадить его. Широко распахнула глаза и с напускной растерянностью принялась теребить одну из висящих у меня на шее цепочек.

– Но... – Я окинула Маэля томным взглядом из-под ресниц, который долго тренировала перед зеркалом, и прошептала: – Но у меня же есть ты.

Маэль посмотрел на мои губы, потом – на пальцы, все еще теребящие цепочку, и снова на губы. Повисшую между нами тишину, казалось, можно было потрогать. Дыхание Маэля участилось, грудь вздымалась и опускалась быстро, словно он бежал.

Никогда бы не подумала, что это так называемое «женское оружие» и правда подействует! И уж тем более в моих руках. Я ожидала, что Маэль рассмеется и снова начнет меня дразнить, но, видимо, я зашла слишком далеко. Атмосфера заметно изменилась. Нас тянуло друг к другу, словно магниты с разными полюсами. Стоило Маэлю отвести взгляд от моих губ и посмотреть мне в глаза, как между нами будто искры вспыхнули. Маэль громко выдохнул. Кажется, он тоже это почувствовал.

– Я... – начал он и замолчал. Снова посмотрел на мои губы и решительно отошел на полшага назад. Такое ощущение, что он хотел оказаться от меня подальше и собраться с мыслями.

Всего через несколько секунд Маэль взял себя в руки.

– Повторю еще раз: на твоем месте я бы умерил пыл, – он вызывающе улыбнулся и потянул меня за рукав. – А теперь пойдем. Мы же не хотим, чтобы мама с папой волновались за свою послушную девочку?

С этими словами он отвернулся и потащил меня за собой. Точнее, потащил за собой пуловер.

Мы прошли всего ничего, и Маэль замедлил шаг. В стене слева от нас появился проход в другой туннель, еще более узкий и низкий. Я смерила проход недоверчивым взглядом. Маэль посмотрел на меня, словно хотел убедиться, что я не передумаю.

– Экскурсионная группа уже должна была уйти вперед, но на всякий случай води себя как можно тише. За несколько метров до выхода из туннеля я выключу фонарик, так что смотри под ноги.

– Поняла, – ответила я и опустила глаза. Все шло хорошо, пока Маэль не выключил фонарик. Я тут же ударилась ногой об острый камень и сдавленно застонала. Если когда-нибудь вернусь в катакомбы, то только в кроссовках или, еще лучше, в «мартенсах» со стальными носами! Надеюсь, мы не попадемся из-за меня!

Не услышав голосов, я снова успокоилась. Похоже, экскурсионная группа и правда уже покинула этот зал. Даже думать не хочу о том, какой поднимется шум, если кто-то увидит, как мы с Маэлем, словно призраки, выходим из запретного туннеля...

– Мы на месте, – объявил Маэль.

– Почему здесь так темно? – прошептала я ему в спину. – Ничего не видно.

– Из соображений экономии. – Маэль снова включил фонарик. – Помещения оборудованы тумблерами. Когда группа выходит, экскурсовод выключает свет. Я не могу его включить. Наверху находится пульт управления, который показывает, где горит свет. Кто-нибудь придет, если он будет гореть после окончания экскурсии.

Я не ответила – все мое внимание было поглощено склепом. Он завораживал своей странной причудливостью. От увиденного у меня чуть глаза на лоб не полезли.

Прямо на каменному полу лежали кости – сотни костей! Они были аккуратно сложены у стены и отсортированы по размеру: в нижних рядах – длинные, мощные бедренные кости, в верхних – тонкие кости рук. На самой вершине покоились гладкие белые черепа. В свете фонарика это выглядело жутковато. Казалось, пустые глазницы смотрят прямо на посетителей. Мы с Маэлем остановились посреди помещения, разглядывая кости, как произведение искусства. На стенах отчетливо виднелись следы добычи известняка, они придавали залу особую атмосферность. Таким я представляла мир после вселенской катастрофы. Даже воздух здесь другой – по-прежнему холодный, но с примесью странного запаха. Одновременно мягкий и острый, так пахнет щепотка перца мелкого помола. При мысли о том, что запах, возможно, исходит от костей, меня пробрал озноб.

– Смотри, – Маэль указал на надпись над проходом.

«Остановись! Здесь начинается царство мертвых», – изящным шрифтом было высечено прямо в камне.

– Жуть какая, – прошептала я. – Похоже на угрозу.

– Это просьба, – отозвался Маэль, он не отрываясь смотрел на надпись. – Просьба оказать уважение мертвым.

Я вопросительно повернулась к нему. Словно почувствовав мой взгляд, он тоже повернулся.

– «Остановись» не значит «вход воспрещен». Смысл примерно следующий: «Если решишь войти, то води себя уважительно». – Маэль посмотрел на кости, потом снова на меня. – *Memento mori*.

Я учила латынь в школе и знала, что означает эта фраза.

– Помни о смерти.

Маэль кивнул.

– Я выхожу из себя, когда вижу фотографии, на которых туристы, кривляясь, позируют на фоне костей.

Я невольно улыбнулась, несмотря на то что полностью разделяла мнение Маэля.

– Их тебе тоже хочется пустить на фрикасе?

– Ничего удивительного, что родители держат тебя на коротком поводке. Ты совсем не следишь за языком, – сказал Маэль, скрестив руки на груди. – Видимо, так родители тебя защищают. Тебе не на что жаловаться.

Вот бы придумать какой-нибудь остроумный ответ! К сожалению, как это часто бывает, ничего не приходит на ум.

– Ты...

– Да?

И снова эта насмешка в голосе!

– Какой же ты... – Я нахмурилась, напряженно размышляя.

Почему в голове совсем пусто?!

– Крутой? Красивый? Или умный? – предположил Маэль. – Или все сразу? Такую вероятность тоже нельзя исключать.

Я чуть не взвыла от праведного негодования.

– Ты невозможен!

– Невозможно крут? Невозможно красив? Невозможно...

Я смерила Маэля недовольным взглядом, и тот замолчал. Наконец-то.

– Это что, твой устрашающий взгляд?

– Ну, подействовал же.

Маэль окинул меня изучающим взглядом. Он ничуть не стеснялся пялиться в открытую. Потом он закусил нижнюю губу и едва заметно улыбнулся.

Я невольно посмотрела на его губы. Было в Маэле что-то... дерзкое и возбуждающее, чему невозможно сопротивляться. Я посмотрела на часы, пытаясь отвлечься.

– У меня осталось всего пятнадцать минут.

– Что, серьезно? Как летит время! – Маэль вытащил из кармана телефон. На запястьях он носил широкие серебристые браслеты, поэтому для наручных часов там не оставалось места. Браслеты эти выглядели довольно необычно, на них переплетались разные античные орнаменты. А на левом вообще есть застежка? Кажется, что нет, что браслет изготовили сразу на руке – литьем. Никогда не видела, чтобы ровесники Маэля носили такие украшения, и чем дольше я на них смотрю, тем больше убеждаюсь, что это не просто декоративные побрякушки. Они похожи на оружие... Я смущенно опустила глаза. Воображение снова увело меня в сторону. Скорее всего, браслеты сделаны из легкого материала, похожего на литое серебро. Возможно, Маэль раздобыл их на рынке для хиппи. Или привез с какого-нибудь популярного средиземноморского курорта. Вряд ли браслеты такие древние, какими кажутся.

– Ну что, вперед? – Маэль посветил фонариком в проход.

– Да, – отозвалась я, напоследок окидывая взглядом горы костей. Со всех сторон на меня смотрели пустые глазницы. Я подавила дрожь.

– Готов поспорить, что в ванной по утрам ты так же тормозишь. – Маэль уже стоял в туннеле, направляя теплый свет фонарика на мои балетки. – Иди сюда. Таинственный незнакомец вернет тебя в царство тьмы.

– Какой же ты...

– Знаю, знаю. Умный и красивый.

Я швырнула в Маэля маленькую упаковку мармеладных мишек, но тот увернулся.

– Ух ты. Я был бы повержен, попади в меня этот снаряд. К счастью, ты кидаешься, как девочка.

– Ш-ш-ш, замолчи, – сказала я, направляясь к нему. – Я пожертвовала ради тебя своими мармеладными мишками.

Наклонившись, Маэль поднял упаковку с пола и вручил ее мне.

– Держи. На случай, если тебе снова понадобится метательный снаряд.

С этими словами Маэль развернулся и пошел вперед.

Я убрала мармеладки обратно в сумку.

– Далеко еще до выставки?

– Нет, если, конечно, по дороге ты не захочешь есть, пить или забежать в туалет...

– Как смешно...

– Что, снова собираешься в меня чем-нибудь запустить? – без особого беспокойства спросил Маэль, даже не взглянув в мою сторону.

– Возможно. – Не говорить же, что моих сил хватает лишь на то, чтобы не отставать от него.

Уже через несколько метров туннель сделал небольшой поворот. Светящиеся на полу точки говорили о том, что мы приближаемся к месту назначения. Вскоре мы оказались в зале. Он напоминал оссуарий, но был примерно в два раза шире. Да и костей нигде не видно... Посреди зала стояла колонна. Я вытянула голову, пытаюсь рассмотреть ее получше. Никаких стыков... Такое ощущение, будто камень, расплавившись, стек с потолка и застыл. От этой глыбы исходила до странного живая энергетика... Я снова почувствовала, как по коже пробежал холодок – похоже, сегодня он будет моим постоянным спутником. Помещение освещалось тремя большими прожекторами, я уже видела такие в фотостудиях. Их свет отбрасывал на стены резкие тени.

Вокруг колонны на разложенной на полу полиэтиленовой пленке стояли стеллажи, а у стен – большие фотографии в рамках. Работа здесь шла полным ходом. Большинство присутствующих были мужчинами, но я заметила и женщин. Одеты они были довольно спортивно – в джинсы и простые рубашки. По моему платью можно сразу сказать: мне здесь не место.

Фотографии в белоснежных глянцевых рамках смотрелись здесь чужеродно. Помещение выглядело так, словно здесь произошел взрыв. Стены, как и пол, поражали своей неровностью, а в отдаленных уголках зала, там, куда не попадал свет прожекторов, царила призрачная вязкая тьма. Маэль слегка подтолкнул меня в спину и пошел вперед. В следующую секунду кто-то включил песню Руэль Monsters. Для меня оставалось загадкой, откуда в незаконно используемом карьере глубоко под землей берется электричество. Впрочем, я не хочу этого знать.

Маэль тем временем поприветствовал четверых друзей, которые выглядели заметно старше него. Явно студенты, не школьники. Они поздоровались, ударив друг друга по рукам, один толкнул Маэля в плечо и спросил: «Как дела, старик?» Одеты они были, как и Маэль: узкие джинсы, приталенная рубашка, которая специально выглядела так, будто ее стирали раз двести, летние туфли. Интересно, эти четверо – тоже катафилы? Маэль коротко представил их как своих братьев, которых зовут Рафаэль, Клеман, Артур и Максим. Затем он попрощался с ними и добавил:

– Нам нужно оставить время на обратный путь.

С этими словами он направился к уже установленному стеллажу. На первой фотографии я увидела стену дома, расписанную ярким граффити. Граффити получился таким четким и трехмерным, что создавалось впечатление, будто на улицу из золотой канализационной трубы всплывает настоящая черепаха.

После слов Маэля я кое о чем вспомнила.

– Мама отправила за мной нашего водителя. Он будет ждать на улице Реми Дюмонсель.

– У тебя личный водитель? Кто ты вообще такая? – Маэль покачал головой. – Хорошо. Тогда мы пойдем через «Кроличью нору», она находится неподалеку.

Какую еще «Кроличью нору»?!

– Надеюсь, белый кролик не будет возражать.

Маэль остановился перед одной из фотографий, посмотрел на меня и усмехнулся:

– Твое платье похоже на платье Алисы из Страны чудес. Идеальное совпадение. – Заметив мое недоумение, Маэль пояснил: – «Кроличьей норой» называется проход, ведущий на поверхность. Рабочие, которые добывали здесь известняк, незаконно проложили его много

веков назад. Вообще в катакомбах полно таких ходов. Кому захочется тащиться пешком до главного выхода?

– И куда же мы выйдем?

– В заросший сад на территории частного владения. Хозяин о нас знает. Ему плевать, пока мы запираем проход.

– Хорошо, – отозвалась я, хотя от этой мысли мне стало не по себе.

Маэль хотел было ответить, но тут кто-то обнял его со спины. В темноте блеснули серебристые ногти.

– Привет, малыш.

Слова прозвучали уж слишком по-дружески, и я нахмурилась. А это еще кто?

Из-за широкой спины Маэля появилась девушка. Красивая девушка. Из тех, кто затмевает собой всех вокруг и получает все, что захочет. И, самое главное, кого захочет. Мне повстречалась единственная в мире девушка, которую не полнят светло-серые джинсы. Она довольно высокая – метр восемьдесят, а то и выше. Ноги от ушей. Длинные, до талии, светлые волосы с рыжеватым оттенком, который сейчас на пике моды. Впрочем, эта Мадемуазель Вселенная не произвела на Маэля особого впечатления.

– Как дела, Мэдди? – он мимолетно улыбнулся, не оборачиваясь.

– Просто отлично! – Мэдди выскользнула у Маэля из-за спины и взяла его под руку. – А это еще кто? – Она говорила обо мне так, будто меня здесь нет.

Мы с Маэлем переглянулись, а девушка тем временем протянула мне руку:

– Привет, я Мадлен.

– Я Ливия. Привет.

– Какое необычное имя! – ответила Мадлен и лучезарно улыбнулась, обнажая жемчужно-белые зубы. Ее слова прозвучали не как комплимент, а сияющая улыбка казалась какой-то... искусственной. Цвет матовой помады подходил ей идеально.

Ну, естественно.

– Почему ты так поздно? – поинтересовалась Мадлен, повернувшись к Маэлю.

– Мэдди – автор некоторых фотографий, представленных на выставке, – объяснил мне Маэль. – Она очень талантливая.

Ну, естественно.

С этой секунды я решила использовать слово «естественно» исключительно для Мадлен.

– Филипп уже спрашивал о тебе. Ты сильно опоздал.

Эта девушка снова делала вид, будто меня нет, хотя очевидно, что мы с Маэлем пришли вместе.

– Задержался в дороге, – дружелюбно отозвался Маэль. – Мы с Ливией немного прогулялись по катакомбам.

Маэль так подчеркнуто обратил внимание на мое присутствие, что Мадлен с интересом посмотрела на меня. Оценивающе прошла взглядом по слишком большому пуловеру, затем – по выглядывающему из-под него платью и, наконец, по изрядно потрепанным балеткам. Никто не поверит, если я скажу, что до прогулки по катакомбам они выглядели как новенькие.

– Ты ведь нездешняя? – спросила у меня Мадлен, скривив идеально накрашенные губы.

– Из Сеула, – коротко ответила я и почувствовала удовлетворение, когда Мадлен, пусть всего на секунду, вытаращила глаза.

– М-м, классный наряд.

Сколько же в ее голосе сарказма! Ну и отлично. Я соображаю куда быстрее, если злюсь.

– О-о-о... – с притворным удивлением протянула я. – Неужели до вас еще не дошла мода на овер-оверсайз? В Корее это последний писк. Никогда бы не подумала, что Париж отстает от новых тенденций...

Маэль подавил смешок, а Мадлен, похоже, восприняла мои слова всерьез. Она еще раз осмотрела меня с ног до головы.

Я перестала обращать на нее внимание, хотя от меня потребовались невероятные усилия, чтобы сохранить на лице бесстрастное выражение.

– Покажешь мне еще что-нибудь? – поинтересовалась я, обращаясь исключительно к Маэлю. Если Мадлен можно, то чем я хуже? – У твоей Алисы заканчивается время.

В любой другой ситуации я бы на такое не решилась, но из-за Мадлен превзошла самое себя. Если Маэль сейчас скажет, что Мадлен – его девушка, то я сяду в лужу, причем в очень глубокую.

Улыбка Маэля затмила все вокруг.

– Ладно, Мэдди. Еще увидимся.

После этих слов мы с Маэлем пошли вперед. Едва оказавшись вне пределов слышимости, я спросила:

– Кто она?

От моего хладнокровия не осталось ни следа.

– Ее зовут Мадлен. Она же представилась.

– Где вы познакомились?

– Здесь.

– Значит, она катафил?

– Нет. Но когда мы устраиваем мероприятия, Мэдди помогает с организационными вопросами, фотографирует, ну и все в этом духе.

– Она твоя девушка? – вырвалось у меня. В следующее мгновение я закусил нижнюю губу. Неужели я и правда это спросила?!

Маэль не колебался с ответом ни секунды. Похоже, задавать такие личные вопросы для нас в порядке вещей.

– Нет. Мы всего разок выпили вместе кофе. Мы с Мэдди много общаемся по делам, поэтому я не стал отказываться. Это было бы невежливо.

– Выходит, это она тебя пригласила?

– Да, – Маэль кивнул. – Что в этом такого? Почему мужчины всегда должны делать первый шаг? К тому же это случилось сто лет назад. Мэдди была новенькой, и я почти ее не знал. Она ходит в школу на окраине города. Мы тогда... – Он взъерошил волосы. – Мы неплохо посидели. Мэдди добрая и милая. Она занимается организационными делами. У нее много хороших идей. – Маэль поднял на меня глаза и смотрел до тех пор, пока я не посмотрела на него в ответ. – Мэдди классная. Без вопросов. Но она не та, кто мне нужен.

– И кто же тебе нужен? – тихо спросила я.

– Пойму, когда встречу ее, – сказал Маэль и криво усмехнулся. – Наверное, теперь ты точно думаешь, что я чокнутый.

Я покачала головой:

– Нет.

Я никогда не слышала от своих ровесников ничего более романтического. Слова Маэля прозвучали серьезно и в то же время почти поэтично. Мне вдруг пришло в голову, что под это описание идеально подходит пресловутая любовь с первого взгляда. Или я преувеличиваю?

– В любом случае мы с Мэдди не встречаемся, – Маэль кивнул в ее сторону. – Понятия не имею, почему Мэдди так себя вела.

Ну, есть у меня одно предположение...

Будильник на телефоне Маэля зазвенел.

– Нам пора? – понуро спросила я.

Маэль отключил сигнал.

– К сожалению, да. Нужно немного поторопиться. До улицы Реми Дюмонсель идти чуть дольше, чем до площади Денфер-Рошро.

– Неужели вы все попадаете сюда через «Кроличью нору»?

– Конечно, – усмехнулся Маэль.

– А техника и снаряжение?

– И они тоже. – Он потянул меня в сторону выхода. – Думаю, ты неправильно представляешь себе «Кроличью нору». Нам не придется прыгать в темную дыру. Это обычный широкий туннель со ступеньками, ведущими к выходу. Большую часть времени выход закрыт решетками. Чтобы никто случайно не упал.

Да, я и правда представляла себе «Кроличью нору» несколько иначе.

Маэль раз или два поднял руку, издали с кем-то прощаясь. Мэдди стояла к нам боком и болтала с каким-то типом, на лбу которого располагался фонарик. На нас она даже не взглянула.

– Смотри под ноги. Сейчас снова будет темно, – сказал Маэль, включая фонарик, и шагнул в туннель.

Я последовала за ним. Пожалуй, фонарь на лбу – не такая уж и плохая идея...

– А зал, в котором проходит выставка... Там раньше тоже был оссуарий?

– Нет. Эту часть катакомб использовали только для добычи известняка. Скорее всего, в том зале складировали инструменты.

– Вы, катафилы, ходите и туда, где хранятся скелеты?

Маэль, не останавливаясь, кинул на меня быстрый взгляд.

– Мы ходим повсюду. Но ты очень заблуждаешься, если думаешь, что мы ведем себя как вандалы, разрисовываем стены и разбрасываем мусор. Каждый год мы находим или откапываем новые туннели. Некоторые из нас периодически сотрудничают с археологами из университета. За последние несколько лет благодаря катафилам было найдено два клада с ювелирными изделиями, керамикой, средневековыми монетами... Сейчас они выставлены в музеях.

– Тогда почему городские власти так вас не любят? По твоим словам, вы просто пытаетесь помочь...

Маэль резко засмеялся.

– Мы не благотворительная организация. Здесь, внизу, мы творим, что пожелаем. У нас собственный кодекс. Государство не имеет права запрещать людям находиться на общественной земле, вот мы и выступаем против. Доходит даже до несчастных случаев и травм. Понимаешь, почему власти нас не любят?

– Я читала, что существует специальный отряд полиции, который работает только в катакомбах.

– Да, существует. Полицейские, конечно, порядком раздражают, но толку от них не больше, чем от кротов на поверхности земли. Они так топают своими набойками на сапогах, что за несколько километров слышно.

Теперь понятно, почему Маэль и его «братья» носят обувь на мягкой подошве. Маэль вообще двигался очень элегантно и по-кошачьи бесшумно. Такое ощущение, будто он точно знает, в каком месте находится камень, а в каком – яма. Я же двигалась с грацией слона в посудной лавке.

– А те мальчики, которых мы видели... это твои настоящие братья? – поинтересовалась я и тут же ударилась ногой о камень, торчащий из земли. – Ой, больно!

– С тобой все в порядке? – Маэль бегло провел по мне лучом фонаря. – Нет, мы не кровные родственники. Но я считаю их братьями, мы давно общаемся и хорошо знаем друг друга. Клеман – мой лучший друг. Он на два года старше. Изучает философию в Сорбонне.

Я призадумалась, вспоминая, о ком речь.

– А, это такой темно-русый? С кудрями?

– Да, это он. Мы познакомились в лицее Людовика Великого. Именно Клеман привел меня сюда... – произнес Маэль и неожиданно замер. Я притормозила и чуть не уткнулась носом ему в спину.

– Впереди несколько ступенек, они очень крутые. Между ними расстояние.

– Надеюсь, света фонарика хватит, чтобы осветить дорогу нам обоим.

– Конечно, хватит, – отозвался Маэль и поднялся на несколько ступенек.

Так, стоять!

– Тебе помочь? – спросил Маэль. Его взгляд говорил о том, что этот вопрос – не пустая вежливость. Маэль вернулся вниз и протянул мне свободную руку.

– Спасибо... – сказала я, окидывая Маэля недоверчивым взглядом. – У тебя что, глаза на затылке?

– Глаз. Один. Но мне и одного хватает.

– Ты просто невозможен! – я не выдержала и рассмеялась. – У тебя такое выражение лица, что я даже готова в это поверить.

– Я покажу тебе его, когда мы познакомимся поближе, – ухмыльнулся Маэль.

– Ты просто невозможен, – повторила я.

Похоже, Маэлю нравится меня злить. Он легонько щелкнул меня по кончику носа.

– Смотри под ноги, а не на меня. Всегда смотри, куда идешь. Будет обидно, если твои красивые зубки останутся на ступеньках.

При мысли об этом меня охватила дрожь.

– Нам еще долго?

– Осталось всего несколько метров. – Маэль в очередной раз нахально ухмыльнулся. – Сейчас пройдем чуть вперед, затем будет лестница, которая ведет к выходу. Ты устала? Хочешь, я тебя понесу?

– Очень смешно, – ответила я, изо всех сил стараясь казаться равнодушной. – Спасибо, я в порядке.

* * *

Возвращение на поверхность оказалось резким и неприятным. Примерно таким я представляла падение на кактус со всего размаха: выход из «Кроличьей норы» находился между двумя огромными кустами можжевельника. Щеку обожгло болью, и я резко вдохнула.

– Ой-ой, – сочувственно глядя на меня, сказал Маэль, который без малейших царапин стоял между колючими ветвями. Он что, неуязвимый, как супермен?! – Злой куст тебя поцарапал. – Маэль провел пальцем по ранке у меня на щеке. – Ничего, скоро заживет.

Мне было так больно, что на этот раз я не отреагировала на его прикосновение. Я вспомнила о родителях и не удержалась от возгласа:

– Проклятье!

– Нет, выглядит не так уж плохо. – Маэль ловко отодвинул в сторону несколько задиристых ветвей.

Я не ответила. Мои родители просто с ума сойдут! Мало того, что я испортила свои балетки и заставила водителя ждать, так еще и поранилась! Я чувствовала, как опухает кожа вокруг царапинки.

«Что плохого я вам сделала?» – подумала я, раздосадованно дотронувшись до щеки. Кусты отодвинулись. И почему я вечно забываю, что с недавних пор у меня телепатические способности?! Я искоса посмотрела на Маэля. К счастью, тот стоял лицом к дому и ничего не видел. Он помахал, с кем-то здороваясь. Я с любопытством подняла голову, но никого не заметила.

– Ну, ты идешь? – Маэль шагнул вперед, придерживая ветви можжевельника.

Я пошла следом, чувствуя легкую грусть. Совсем скоро я сяду в машину и уеду. А что потом? Я знаю, какая у Маэля фамилия, знаю, где он учится. Наверняка я смогу найти его в Интернете. Но захочет ли он этого? Захочет ли снова увидиться со мной? Он до сих пор не спросил мой номер телефона. Судя по истории с Мадлен, Маэль не будет заморачиваться, если девушка сама позовет его на свидание. Не уверена, что у меня хватит на это смелости. Наверное, не хватит. Если он не попросит у меня номер, то на этом наше общение закончится. Так почему же он все еще не попросил?! Почему молчит?! Сейчас мы совсем одни... но Маэль целеустремленно шагает к калитке, скоро мы окажемся на оживленной улице. Может, он вообще не собирался спрашивать у меня номер?

Маэль открыл калитку и вежливо пропустил меня вперед. Все, возможность упущена. Я понуро опустила голову.

– Во-о-он там находится улица Реми Дюмонсель, – указал налево Маэль после того, как мы вышли на тротуар. – Если пойти с этой стороны, то будет казаться, будто мы вышли из главного выхода. Мы опоздали минут на пятнадцать. Это плохо?

– Нет, Жак обязательно меня дождет. Он очень милый. Если я попрошу, он скажет родителям, что мы задержались из-за пробок.

– Отлично, – Маэль закрыл калитку и улыбнулся. – Идти нам недалеко.

«Вот сейчас, – подумала я, у меня оставалась последняя надежда. – Спроси же мой номер!» Но Маэль этого не сделал. Он был на удивление молчалив. Мы шли бок о бок, так близко, что наши руки то и дело соприкасались.

Вскоре в поле зрения появился припаркованный на обочине черный лимузин, и мое настроение сразу упало до нуля.

– Значит, домой ты поедешь на этом танке? – поинтересовался Маэль, указав на машину. Я коротко кивнула.

– Ну и ну! – Маэль восторженно присвистнул. – Да эта штуковина проедется по минам и целохонькой останется!

Я пожала плечами. Нет, Маэль не попросит у меня номер телефона. И правда: вместо этого он завел светскую беседу о машине. Я взглянула на часы. Опаздываю уже на семнадцать минут. Жак сейчас, наверное, нетерпеливо барабанит пальцами по рулю.

– Мне пора, – выдавила я. Испытываемое мной разочарование, казалось, можно руками потрогать. – Хочешь, мы тебя подбросим?

– Нет, – и Маэль оглянулся на «Кроличью нору», словно ожидая, что кто-то последует за нами. – Мне нужно вернуться вниз. В конце концов, я обещал помочь с установкой стеллажей. Сердце кольнуло ревностью.

– Ясно...

Вот Мэдди-то обрадуется!

– Что-то не так?

Маэль наклонился ко мне, но я опустила голову. Не хочу, чтобы он увидел на моем лице ревность, неуверенность, страх...

– Ливия, – голос Маэля прозвучал тихо, но в то же время настойчиво.

Я невольно вскинула глаза.

– Да?..

– Не могла бы ты вернуть мне пуловер?

На мгновение тело будто окаменело. Я думала, Маэль даст мне свой номер телефона, а он просто захотел получить обратно пуловер... Мне казалось, между нами что-то происходит, но, видимо, это мои фантазии... После такого я уже не осмелюсь взять инициативу в свои руки и попросить у него номер...

– Ах, да. Конечно. – Я принялась машинально расстегивать пуговицы. Пожалуйста, пусть разочарование не отразится на моем лице!

Маэль положил ладони поверх моих.

– Я не сказал, чтобы ты вернула его прямо сейчас.

– Что?.. – Боже, сколько же отчаяния прозвучало в моем голосе!

– Отдашь мне пуловер в нашу следующую встречу. – Перехватив мой взгляд, Маэль вдруг опустил руки и напрягся. – Если не захочешь меня больше видеть, то оставишь его себе. У меня таких два.

Я задержала дыхание, чтобы не броситься Маэлю на шею с радостным хихиканьем. Вытащила телефон и протянула ему. Сейчас или никогда.

– Дашь мне свой номер?

Маэль тихо рассмеялся. Охватывающее его напряжение исчезло, подобно внезапно рассеявшемуся туману.

– С удовольствием.

У него в руке мой телефон казался крошечным. Вскоре Маэль вернул его, и я увидела, что он вбил в телефонную книжку свое имя и фамилию – все как полагается. Я открыла «Вотсап». Что же написать? Свое имя? Контактные данные, включая адрес и городской телефон? Или просто смайлик? Я выбрала последнее и отправила Маэлю смайлик с изображением пуловера. Впрочем, он больше напоминал смокинг, к тому же черный, а не синий, но я не сомневалась: Маэль поймет мое послание. Его телефон запищал. Маэль взглянул на дисплей. Улыбнулся и заговорщически подмигнул:

– Мы понимаем друг друга.

Я почувствовала облегчение и, поддавшись настроению, задала вопрос, который занимал меня весь вечер:

– Ты катафил и знаешь катакомбы вдоль и поперек. Почему ты пошел на ту экскурсию?

Маэль выпрямился, расправил плечи и криво усмехнулся:

– Просто так.

– Шпионишь за врагом? – поинтересовалась я.

Он покачал головой, его ухмылка становилась все шире и шире.

– Или планируешь стать перебежчиком? – продолжала я. – Возьмешься за ум, пройдешь стажировку в археологическом музее и будешь водить туристов?

Хрипло засмеявшись, Маэль пригладил волосы.

– Я польщен столь лестным мнением о своей особе, но... – Но тут Жак нажал на клаксон, перебивая его. – Как бесит! – Настроение Маэля изменилось за долю секунды, спокойный тон перешел в грозное рычание. Маэль уставился на машину, пытаясь испепелить взглядом.

– Если превратишь моего водителя во фрикасе, то родители разозлятся и больше никогда не выпустят меня из дома.

– Тогда я все равно найду способ с тобой встретиться, – отозвался Маэль.

Ни секунды не сомневаюсь.

Маэль снова вытащил телефон, посмотрел на экран и улыбнулся. Потом убрал телефон обратно в карман и выпрямил спину, отчего стал казаться еще выше, а его плечи – шире.

– Хорошего тебе вечера, Ливия Эстель Маккензи.

Он уже посмотрел в «Вотсапе» мое полное имя!

– И тебе, Маэль Анжу.

– Скоро увидимся.

Не вопрос, а утверждение.

Я ни капельки не возражала и потому кивнула.

Жак снова нажал на клаксон, на этот раз дольше, настойчивее. Думаю, Жак хотел как лучше – в конце концов, он хорошо знал моих родителей.

Маэль тяжело вздохнул и закатил глаза.

– Можно подумать, он твоя нянька.

– Жак – хороший человек. Просто мама легко поддается панике. Знаешь, мне и правда пора идти.

– Ладно, – улыбнулся Маэль. – Хорошо добраться домой.

– И тебе, – ответила я. – До скорого.

Я заставила себя отвернуться и пошла к лимузину. На это потребовалось куда больше сил, чем у меня оставалось. Казалось, я иду по свежееуложенному бетону или по глубокой грязи. Распахнув дверцу машины, я оглянулась и бросила на Маэля прощальный взгляд.

У меня снова возникло ощущение нереальности происходящего. Должно быть, это сон или галлюцинация. Подобные мысли появились не потому, что я не хотела верить в знакомство с таким красавчиком. Или в то, что притяжение между нами слишком сильное, чтобы быть настоящим. Нет. Просто меня охватило странное чувство... Его нельзя назвать приятным, напротив. Оно выбило у меня почву под ногами, напугало. Кажется, будто на плечи положили тяжелое мокрое полотенце, оно сковывает движения и тянет меня вниз...

Маэль помахал мне. Я на секунду напряглась, но поспешила помахать в ответ. Затем села на мягкое кожаное сиденье рядом с водителем.

Только после того, как лимузин влился в оживленное движение, я нашла определение охватившему меня чувству. К тому времени розовый туман рассеялся, дурманивший адреналин испарился из крови. Как холодно... Я плотнее запахнула пуловер. Мне не давало покоя гнетущее ощущение приближающейся беды, она накроет меня черным бурлящим потоком... Я вздрогнула. Как бы я ни бежала, этот поток все равно меня настигнет.

* * *

Как я и ожидала, дома родители устроили настоящий концерт. Мама дважды оглядела меня, прежде чем поверила в то, что поцарапанная, покрытая пылью девушка в большом странном пуловере и правда ее дочь. Потом она испуганно вздохнула и с отвращением дотронулась до пуловера.

– Ливия, на кого ты похожа?! И что это на тебе надето? Почему ты так поздно? – спросила мама и широко распахнула глаза от удивления. – Откуда у тебя на щеке эта царапина? Ох, какая же она огромная! У тебя воспаление начнется! Роджер, – позвала мама, отвернувшись от меня. – Подойди сюда! Посмотри на это!

Из кухни появился папа, с его плеча небрежно свисало полотенце для посуды. Он был в бежевых хлопковых брюках, в футболке с логотипом Йельского университета и... босиком. Папа, как и я, родился в семье состоятельных дипломатов и никогда не раздувал шумихи вокруг своей особы. В отличие от мамы, выросшей в крошечной рыбацкой деревушке в Бретани.

– Что случилось, Сюзанна?

– Ты только посмотри на это! – Когда мама расстраивается, ее французский акцент становится заметнее. Она взволнованно захлопала угольно-черными ресницами и повернулась к отцу. Кстати, под «этим» мама имела в виду меня.

Я росла в двуязычной семье, обычно мы с родителями общались на дикой смеси французского и английского. Мы называли этот язык «франглийским».

Мои родители познакомились в Вашингтоне. Папа тогда был юным выпускником дипломатической академии, а мама – французской журналисткой и моделью. Ничего удивительного, что брак родителей вызвал большой резонанс в кругах интеллектуальной элиты. Думаю, все ожидали, что мама с папой произведут на свет красивого, высокого и умного ребенка. Но... родилась я. Родители, наверное, решили, что с них хватит. В детстве я была крошечной и круглой, как шарик. Не хотела есть с ложки, не хотела ходить и уж тем более не хотела говорить. Со временем я, к счастью, переросла худшие из своих изъянов.

– Ну и ну, – сказал папа, оглядев меня с головы до ног. – Тебя что, ограбили?

– Она якобы ходила в музей! Скажи, вот ты когда-нибудь возвращался из музея таким помятым? – Мама, одетая в кремовую шелковую блузку, скрестила руки на груди. Ее золотые браслеты тихонько звякнули.

– Что с тобой случилось, Ливия? – испытующе посмотрел на меня папа.

– Я ходила в катакомбы. Там темно и пыльно.

Мама закатила глаза.

– А я сразу сказала, что это плохая идея! Ты упала? Поэтому у тебя на щеке царапина?

Я кивнула. Мне хотелось мечтать о Маэле, а не подвергаться допросу родителей.

– Но ничего страшного! – сказала я. – Я пойду наверх и приведу себя в порядок. Вы наверняка хотите поскорее поужинать.

– Хорошо. Только не задерживайся. Закуски уже на столе, – сказал папа. Видимо, разговор был окончен. Почувствовав облегчение, я направилась к лестнице, которая вела на второй этаж нашего пентхауса.

– Так, секундочку, – резко остановила меня мама. Я замерла на ступеньках и обернулась к ней. – Откуда у тебя этот пуловер?

Я всегда прибегала ко лжи лишь в крайних случаях и поэтому сказала правду:

– В катакомбах я очень замерзла, и один мальчик дал мне свой пуловер.

– Дал? Просто так?

Мама сделала несколько шагов мне навстречу.

– Ну, я за него не платила.

– На пуловере же нашивка с эмблемой? – поинтересовалась мама, остановившись у лестницы. – Покажи.

Я повернула эмблему так, чтобы мама смогла рассмотреть ее в складках пуловера.

– Лицей Людовика Великого, – мама удивленно приподняла брови. – Мальчик там учится?

– Да.

– Он поступил очень любезно. – Мама выглядела довольной. – Ты поблагодарила его как положено?

Я кивнула.

– Он поступил очень любезно, – тихо повторила мама, благосклонно рассматривая эмблему. Она больше не буравила меня строгим родительским взглядом, и я решила, что разговор окончен. Поднимаясь наверх, я услышала, как мама снова пилит папу из-за того, что он не разрешил мне пойти в лицей Людовика Великого – мол, там, оказывается, учатся настоящие джентльмены!

Я мысленно усмехнулась. Может, мама и в восторге, но Маэль явно не тот хорошо воспитанный юноша, каким она его представляет.

Поднявшись на верхний этаж, я направилась напрямик в свою комнату. К ней примыкала отдельная ванная. Как же я люблю большой туалетный столик, в нем хватает места для всей моей косметики! Я сняла пуловер. Поднесла его к лицу и понюхала. Пахнет Маэлем! Это замечательно! Увидев в зеркале свою блаженную улыбку, я поспешно отложила пуловер в сторону. Как же стыдно... С такой улыбкой я похожа на самую настоящую психопатку... Я торопливо вымыла руки мылом с медовой отдушкой. Нежный сладкий запах настроил меня на лиричный лад. Захватывающая встреча с Маэлем, море впечатлений от катакомб, раздражающее поведение родителей... Все эти воспоминания словно заволочло дымкой тумана. Я машинально потянулась за кремом для рук с добавлением меда и миндаля. Даже не помню, когда впервые заметила, что мне нравится мед. Наверное, после того, как стала ходить по аптекам и магазинам самостоятельно. Это похоже на самую настоящую зависимость. Я не раз ловила

себя на том, что покупала духи якобы из-за ноток свежести, а потом обнаруживала, что их базовая нота – мед.

Я оглядела царапину на щеке. Краснота заметно уменьшилась. Я удивленно склонила голову набок. Когда я рассматривала себя в зеркале гардеробной, эта царапина выглядела куда драматичнее. Прищурившись, я нависла над туалетным столиком. Как странно. Я осторожно дотронулась до царапины. На пальце оставалась пленочка крема, и поврежденную кожу стало щипать. Тонкие красные полосочки стали исчезать прямо у меня на глазах. Испуганно затаив дыхание, я отступила от зеркала, словно обвиняя его в этой иллюзии. Что сейчас произошло? Я с опаской приблизилась к зеркалу. Царапинка и правда превратилась в светло-розовую полоску, кожа вокруг нее выглядела как обычно. Заморгав, я пощупала свой лоб. Неужели заболела?! Может, меня лихорадит? Да вроде нет, лоб прохладный.

Снизу послышался мамин голос, он и выдернул меня из размышлений.

– Сейчас спущусь! – крикнула я и напоследок снова взглянула в зеркало. Со мной творится что-то странное! К моему великому беспокойству, лучше ситуация не становится. Напротив. Такое ощущение, что с каждым днем во мне открываются новые удивительные способности...

– Ливия! – раздраженно позвала меня мама.

– Да, уже иду!

Выйдя из ванной комнаты, я на мгновение задержала взгляд на коробках, которые так и не успела распаковать. В них находилась моя прежняя – обычная – жизнь. Всего год назад я мечтала о волнительных событиях, мечтала о буре страстей, о приключениях... Кто бы мог подумать, что я буду скучать по прежней жизни?! Правда, сейчас у меня появился новый знакомый по имени Маэль... но, если не считать его, то жизнь без говорящих цветов, чудесным образом исцеляющихся ран и пугающих меня галлюцинаций казалась крайне заманчивой. Мне вспомнилось предсказание, которое я нашла в свой шестнадцатый день рождения в китайском печенье: «Будьте осторожны со своими желаниями – они могут исполниться».

У меня вырвался тихий вздох. Я забыла об осторожности, и вот к чему это привело...

Глава 3. Говорящая с цветами

Подростки обычно воспринимают смену школы как катастрофу, но для меня это дело привычное.

Во всех странах это происходит одинаково. Приходишь в секретариат, получаешь ученический билет, расписание, спортивную форму со школьной эмблемой – в общем, вещи, которые расскажут о тебе миру. В Международной школе Парижа занятия начались две недели назад. Родители, конечно, распланировали все так, чтобы я успела к началу учебного года, но... Отъезд из Кореи совпал с моим шестнадцатым днем рождения, и в день торжества у меня ужасно заболел живот. С тех пор – а прошло уже больше месяца! – моя жизнь становится все более и более странной. Мало того, что я слышу болтовню цветов, так еще могу им отвечать! Возможно, это лишь плод моего воображения. У меня нет никаких доказательств обратного. Порой мне кажется, что я сошла с ума. Я никогда не страдала от плохого кровообращения, но теперь у меня частенько кружится голова. А еще у меня бывают приступы тошноты и болит живот, да так сильно, что я не могу даже с кровати встать. Последние три недели я чувствовала себя очень плохо, и родители не пускали меня в школу. Однажды я подслушала их разговор и поняла, что они винят в происходящем наш переезд. Что ж, доля правды в этом есть... Я очень скучаю по своим друзьям. В конце концов, благодаря им Корея, эта экзотическая страна, стала для меня домом. Резкие перемены каждые три года, разрыв отношений и отказ от привычной жизни давались мне непросто.

Мои мысли вернулись к Маэлю. Раньше я общалась с ровесниками только в школе, но Маэль стал для меня исключением. Оно и понятно: Маэль совсем не похож на остальных...

Я незаметно улыбнулась, прижимая к груди папку с документами, расписанием и распечатанным кодом доступа к шкафчику.

Маэль. Я думала о нем все выходные, а по вечерам ложилась спать и мечтала о том, чтобы он мне приснился.

Вскоре после нашей встречи Маэль написал мне сообщение в «Вотсап». Это мне точно не приснилось. Мы переписываемся с пятницы, и буквально только что он пожелал мне удачного первого дня в новой школе. Всякий раз, когда у меня выдается свободная минутка, я читаю и перечитываю историю нашей переписки.

Меня охватило искушение вытащить из сумки телефон – а вдруг Маэль написал что-нибудь еще? Но тут прозвенел звонок. Первый день, а я уже опаздываю! Хорошенькое начало...

Кабинет биологии бросался в глаза сразу: дверь была обклеена фотографиями растений, животных и биохимических схем. Я собралась с духом и постучала.

– Войдите, – раздался из-за двери мужской голос. Он не показался мне раздраженным.

В расписании значится, что биологию ведет мистер Роджерс. Я представляла его похожим на большинство учителей, преподающих этот предмет, – немолодым, в брюках не по размеру, со всклокоченными волосами и страстью к никому не известным экзотическим растениям.

Войдя в класс, я поняла, как сильно заблуждалась. Казалось, стоявший у доски мужчина еще пять минут назад занимался серфингом, а потом накинул на себя рубашку в красно-синюю клетку и пришел на урок. Похоже, ему нет и тридцати... Официально заявляю: он не только самый молодой учитель, который у меня когда-либо был, но и самый привлекательный.

– Здравствуйте! – учитель дружелюбно улыбнулся. – Вы, должно быть, Ливия Маккензи! Меня зовут Генри Роджерс. Я делаю вид, что преподаю здесь биологию, но чаще всего я и сам не знаю, о чем болтаю.

Класс, до этого сидевший на удивление тихо и дисциплинированно, взорвался смехом. Девчонки смеялись негромко, а мальчишки хохотали так, будто только что услышали невероятно забавную шутку.

– Да, Ливия Маккензи – это я, – сказала я, оправившись от удивления.

– Добро пожаловать, – отозвался мистер Роджерс. Судя по любезной улыбке, он не понял, что я офигела от его внешности, и объяснил мое странное поведение нервами.

– Я слышал, что вы приехали к нам из Южной Кореи. Значительная перемена, – сказал он и взмахом указал на свой стол. – Я взял для вас учебник из библиотеки. Думаю, уже к полудню ваш портфель заметно потяжелеет. Осталось найти вам место...

Протянув мне книгу, мистер Роджерс огляделся. Большинство одноклассников смотрели на меня дружелюбно, никто не шушукался, и я с облегчением выдохнула.

– Мисс Маккензи, почему бы вам не сесть между мисс Коэн и мисс О'Малли? Уверен, они не будут возражать. – Мистер Роджерс указал на двух девушек, они занимали предпоследний лабораторный стол в левом ряду. Девушки закивали, и мистер Роджерс сделал мне знак садиться. – Замечательно. Уверен, вы поладите. Мисс Маккензи, в вашем школьном деле я прочитал, что в Корее вы обучались по американской системе, а значит, ваш уровень знаний должен соответствовать нашему. Я отметил список тем, которые вы пропустили за последние две недели.

– Спасибо.

Я улыбнулась мистеру Роджерсу и посмотрела на одноклассниц, с которыми мне предстояло работать в группе. Они встали, чтобы я могла сесть посередине. У одной из девушек светло-русые волосы и одежда в белых тонах. Другая заметно ниже своей подруги, волосы у нее темные, с рыжеватым отливом, а кожа очень светлая, почти прозрачная. До чего же странно они смотрятся вместе!

Я подошла к ним, пытаюсь побороть смущение.

– Привет! – поздоровалась со мной светленькая. Она говорила тихо, потому что мистер Роджерс продолжил урок. – Я Джемма, а это Бриджит, – она кивком указала на шатенку. – Садись между нами. – Она пододвинула мне стул.

– Большое спасибо. Меня зовут Ливия.

Шатенка ослепительно улыбнулась и сказала:

– «Бриджит» звучит так старомодно! Зови меня Джиджи.

– Да, конечно! – я улыбнулась в ответ.

Джиджи примерно моего роста, где-то метр шестьдесят пять, но если я – девушка с формами, то она – тоненькая и хрупкая. Длинная челка, идеально подходящая к форме лица, большие глаза, веснушки на носу, многослойная одежда в стиле мори-герл – прежде я встречала этот стиль только в азиатских странах...

Девушки сели, и я последовала их примеру.

– Ты пропустила занятия из-за проблем при переезде? – поинтересовалась Джемма.

Я положила сумку на стол и повернулась к ней. Джемма сидела на стуле куда элегантнее, чем я. Она вообще выглядела очень спортивной. Судя по подтянутой фигурке, Джемма не проводит вечера на диване с пакетиком чипсов.

– Нет, переезд прошел гладко, но потом я заболела на две недели.

– Какой ужас, – ответила Джиджи, наклонившись ко мне. – Но сейчас-то чувствуешь себя хорошо?

– Да, спасибо. У меня не было ничего серьезного, просто живот болел.

– Уважаемые ученицы! – Голос мистера Роджера гулко разнесся по лаборатории. – Я очень рад, что вы нашли общий язык и хотите узнать друг друга получше, но позвольте напомнить, что сейчас идет урок. Во время обеденного перерыва у вас будет достаточно времени, чтобы поговорить.

– Простите, – в один голос сказали мы с девочками, словно сговорившись, и дружно прыснули от смеха.

Мистер Роджерс укоризненно покачал головой.

– Замечательно, – сказал он с веселыми нотками в голове. – По вам театральная сцена плачет.

Мы с Джеммой и Джиджи обменялись заговорщическими улыбками. Я не сомневалась: с этими девчонками мы точно поладим.

– А теперь давайте перейдем к самой интересной части нашего урока! – сказал мистер Роджерс. – Как вы знаете, следующие полтора месяца мы будем изучать ботанику. Вы научитесь определять вид растений по их специфическим особенностям. – Он взял микроскоп и, как будто тот ничего не весит, поднял над головой. – Микроскоп станет вашим верным оружием!

Снова слышались смешки. Похоже, мистер Роджерс пользуется популярностью, что меня совсем не удивляет.

– Генри такой милашка, – прошептала Джиджи мне на ухо.

– Генри? – переспросила я, повернувшись к ней.

Джиджи указала на учителя.

– Генри Роджерс. Мы все его просто обожаем. – Она чуть выпрямилась. Ее взгляд стал серьезным, а тон подсказывал, что у меня нет другого выбора, кроме как последовать всеобщему примеру. Я не возражала и кивнула.

– Микроскоп упростит вам задачу. Вы найдете его в ящике своего лабораторного стола. – Мистер Роджерс опустил свой микроскоп. – Пожалуйста, проверьте, на месте ли он, и поместите его на середину рабочей поверхности. Если не сможете этого сделать, то не геройствуйте, а попросите о помощи.

Класс оживился, и все засуетились, приступив к поискам. Джемма наклонилась, открыла дверцу ящичка и, не вставая с места, достала микроскоп. Одной рукой.

Я уставилась на нее во все глаза. Она что, киборг? Откуда в ней столько силы?

Джиджи наклонилась и прошептала мне на ухо:

– Да, Джемма – человек, пусть временами в это и трудно поверить. Она выросла на ферме в Южной Африке. Делать там было абсолютно нечего, кроме как целыми днями бегать, куда-то лазить и ловить диких животных, чтобы спасти их от вымирания. Можно сказать, что спорт – это ее второе имя.

Мне не удалось сдержать улыбку. Джиджи просто великолепна, и у нее классный ирландский акцент. К слову, я все гадала, что за акцент у Джеммы. Ее английский звучит несколько экзотично. Теперь ясно почему.

Мистер Роджерс попросил двоих учеников о помощи, и вскоре те вернулись с большими пластиковыми ведрами, наполненными травой.

– Как вы, наверное, уже догадались, сегодня мы будем учиться классифицировать различные травы, – сказал мистер Роджерс, раскладывая растения по лабораторным стаканчикам.

Мы получили свои стаканчики чуть ли не последними.

Джемма выстроила их перед нами в аккуратный ряд.

Нет-нет... Мне это не нравится. Совсем не нравится. Я заметила, что травинки начали на меня реагировать. Не все, а только те, что находились в непосредственной близости. Похоже, растения чувствуют меня только на определенном расстоянии.

Голову наполнил шепот тысячи голосов, и я застыла. У меня вот-вот начнется паническая атака! Ладони стали влажными и холодными, под ложечкой неприятно засосало...

– Ливия? Все хорошо? – словно издали донесся до меня голос Джиджи.

Я стиснула зубы и кивнула:

– Да.

Стоявшие на столе стаканчики с длинными тонкими травинками казались непроницаемой стеной. Я подняла взгляд, перед глазами все расплывалось. Травинки как будто тянулись в мою сторону. Казалось, я действую на них как магнит.

Их нестройный хор голосов создавал такой шум, что до меня доносились только обрывки слов.

«Здесь... Выбраться... Спасите... Умоляем...»

Я глубоко вздохнула и откинулась на спинку стула, пытаюсь увеличить расстояние между мной и травинками. Они последовали за мной, наклонились так сильно, что это сложно было не заметить.

– Похоже, в классе сквозняк, – сказала Джемма и решительно отодвинула от меня растения.

Впрочем, вмешательство Джеммы меня не спасло. Голоса издавали такой шум, что я почти физически его ощущала. Но потом страх сменился злостью, и я мысленно рывкнула: «Что вы вытворяете?!» На секунду мне показалось, что я произнесла эти слова вслух. Я испуганно замерла и огляделась, но никто вокруг на меня не смотрел. Тогда я заметила, что голоса стихли. Не обращая внимания на бешено колотящееся сердце, я решила снова обратиться к травинкам, на этот раз более вежливо. Кто знает, что они могут со мной сделать?

«Я ничего не пойму, если вы будете говорить одновременно! И хватит уже ко мне лезть, или что вы там делаете. Это заметно, да и раздражает».

Сорняки не произнесли ни слова.

«Ну вот, уже что-то. Большое спасибо. Прежде чем выслушать вашу просьбу, я хочу, чтобы вы ответили на несколько вопросов. Почему вы со мной разговариваете?»

Я снова сжала руки в кулаки. Господи, да я точно спятила... Мало того, что обращаюсь к сорнякам, так еще и жду от них ответа... Мне нужны таблетки, причем срочно. Побольше да по сильнее. А еще – психотерапия. Длительная, возможно, пожизненная.

«Ты – дочь лесов. Дочь лугов. Дочь перешептывающихся цветов. Дочь...»

«Погодите, я ничего не понимаю! Я – кто?!»

«Ты – дочь лесов. Дочь лугов. Дочь перешептывающихся...»

«Секундочку. Так мы далеко не уедем. Как вы можете со мной разговаривать?»

«Так уж оно есть».

Очередной загадочный ответ. Просто прекрасно.

«Нет, так дело не пойдет. Чего вы от меня хотите?»

Услышав мой вопрос, травинки снова наперебой загалдели.

«Замолчите!»

Но на этот раз они меня не послушались. Голосов в голове становилось все больше и больше. От отчаяния я всхлипнула и спрятала руки в карманах пуловера, чтобы Джемма с Джиджи не увидели, с какой силой я сжимаю кулаки. Нашупав бальзам для губ с медовой отдушкой, я схватилась за него, словно за спасательный круг. Мягкий запах коснулся носа, и я почувствовала, что сердцебиение тут же замедлилось. Я обмакнула палец в баночку и намазала губы бальзамом. Постепенно голоса становились тише, как если бы кто-то убавлял громкость.

– Тебе уже лучше? – поинтересовалась Джемма.

– Да, спасибо. Сегодня я не завтракала, наверное, в этом все дело.

– Говорят, завтрак – самый важный прием пищи, – отозвалась Джиджи, – но по утрам я обычно не могу проглотить ни кусочка. Поэтому я завариваю себе гибискусовый чай и добавляю в него большую ложку гречишного меда.

– Как погляжу, сегодняшняя тема вызвала у вас троих прилив энтузиазма, – мистер Роджерс возник перед нашим столом, как черт из табакерки. – Тогда вперед, начинайте. Я буду за вами приглядывать.

С этими словами он отвернулся от нас и принялся прогуливаться по классу.

– Не имею ничего против, – тихонечно захихикала Джиджи.

Джемма широко улыбнулась, а я проглотила смешок. В этом вопросе мы полностью разделяли мнение Джиджи.

* * *

После сдвоенного урока английского я забрала из библиотеки остальные учебники. Начался обеденный перерыв. Джиджи с Джеммой не отходили от меня ни на шаг, за что я была им очень благодарна. Эти двое меня как будто удочерили! Они то и дело спорили о том, какой пункт из моего «списка дел на первый учебный день» нужно выполнить следующим. Я в этот спор не вмешивалась и при каждой возможности проверяла телефон. Маэль больше ничего не писал.

Школьная столовая не произвела на меня особого впечатления. До Кореи я ходила в Международную школу в Новой Зеландии, Швеции, Индонезии и Гонконге. Эти школы почти ничем друг от друга не отличались. Такое ощущение, будто помещения обустраивают по одной схеме. В начале столовой – длинная глянцевая стойка, слева – большой зал с множеством столов разных размеров.

Официально нас обучают по «международной программе», но на самом деле программа американская. Даже учителя временами забываются и называют вещи своими именами – тот же мистер Роджерс. Я ничего не имею против американской программы – из-за американского меню. Корн-доги, хот-доги, картофель фри, спагетти с фрикадельками... их всегда можно взять как дополнение к блюду дня. Сегодня это куриное фрикасе. Какое совпадение! Я невольно улыбнулась той самой мечтательной улыбкой, которая появлялась у меня на лице каждый раз, когда я думала о Маэле.

– Ого, – нахмурилась Джемма. – Как его зовут, сколько ему лет и когда ты нас познакомишь?

Эти слова выдернули меня из мира грез, и я во все глаза уставилась на Джемму. Неужели она умеет читать мысли?!

– Что, прости?..

– Не может быть! Что, серьезно?! Ты уже с кем-то встречаешься? – в восторге взвизгнула стоявшая рядом Джиджи. – Или вы вместе уже давно и надеетесь сохранить отношения, несмотря на расстояние? Ты должна все нам рассказать! Как давно вы вместе? Когда познакомились? У тебя есть его фотка?

Я окинула Джиджи недоверчивым взглядом. Она что, может обходиться без воздуха?!

– Давай, рассказывай уже, – поторопила она и потянула меня в очередь к стойке выдачи еды. – Сколько ему лет? Ох, я просто сгораю от любопытства! Наверняка он очень красивый!

А вот тут не могу с ней не согласиться... Джиджи не унималась, она продолжала засыпать меня вопросами:

– У него есть «Фейсбук»? А «Инстаграм»? «Снэпчат»? «Твиттер»?

– «Тиндер»? – вставила Джемма, и Джиджи разразилась истерическим хихиканьем.

– С чего вы взяли, что я с кем-то...

Джемма оборвала меня на полуслове резким взмахом руки.

– Даже не пытайся. Улыбка все сказала за тебя, – она ткнула меня пальцем в щеку. – Ни один человек, хоть раз позировавший для селфи, не захочет так выглядеть.

Шах и мат. Я сдалась.

– Никаких секретов! – заявила Джемма. – Если хочешь с нами общаться, то выкладывай карты на стол!

Такое ощущение, будто я на допросе у мафии. Джемма явно предпочитает не ходить вокруг да около.

Джиджи тут же попыталась смягчить ее категоричное заявление.

– Прости-прости, нам просто очень любопытно. Давайте сначала возьмем еду, а потом ты немного расскажешь о себе, если, конечно, захочешь. Договорились?

Неплохое предложение. Девочки застали меня врасплох, но я совсем не против рассказать им о Маэле. Пока у нас с Маэлем все хорошо, но если мы вдруг поссоримся, то мне очень понадобится поддержка моих новых подруг.

– Да, давайте так и поступим, – улыбнувшись, сказала я и кивком указала на витрину. – Что посоветуете?

– Спагетти, – отозвалась Джемма, а Джиджи одновременно с ней сказала:

– Лучше бери что-нибудь из дома.

– Ясно... – Я посмотрела на еду, выставленную на витрине. Выглядит очень даже ничего!

Даже салат есть...

– Чего желаете? – раздался скрипучий, как ржавая пила, голос.

Джемма подтолкнула меня в спину.

– Давай, твоя очередь.

– Чего желаете?

– Я еще не решила, – ответила я, повернувшись к витрине. – Сегодня мой первый день, и я...

– Следующий! Чего желаете?

Джемма – она стояла позади – заглянула мне через плечо.

– Я возьму спагетти!

– С каким соусом?

– Мне без разницы, – ответила Джемма.

Я привстала на цыпочки, пытаюсь понять, откуда доносится голос, и, наконец, увидела повариху. Из-за низенького роста ее с трудом можно было заметить за большой серебристой кастрюлей. Седые волосы торчали в разные стороны, а глаза казались неправдоподобно огромными из-за толстых стекол очков. Движением, похожим на теннисную подачу, она сунула в кастрюлю щипцы, выудила порцию спагетти и швырнула в глубокую тарелку. Примерно треть спагетти упала мимо, но повариха, кажется, даже не заметила. Я замерла, завороченно наблюдая за этим странным зрелищем, и Джемма подтолкнула меня в спину. Немного продвинувшись в очереди, я со своего нового места увидела, как повариха передает тарелку своей помощнице. Та казалась ее полной противоположностью – высокая, худая как жердь, с голосом, напоминающим скрип мела по доске.

– Соус «без разницы», – проскрипела низенькая повариха.

Кивнув, помощница погрузила черпак в один из четырех узких контейнеров. Зачерпнула соус и почти весь вылила мимо тарелки.

– Ничего себе, – прошептала я.

– То ли еще будет, – отозвалась Джемма, и я увидела, как худышка полезла в горшочек с приправами. Приправы полетели на пол, но, судя по всему, она этого не заметила. Я удивленно уставилась на Джемму.

Та широко улыбнулась и сказала:

– Возьми себе чего-нибудь, пока не вся еда оказалась на полу.

– Мне тоже спагетти! – торопливо выкрикнула я.

Что-то пробурчав, повариха снова полезла в кастрюлю.

– Соус какой?

– Вегетарианский болоньезе, пожалуйста.

– Вегетарианский болоньезе! – крикнула повариха своей помощнице. Та кивнула, зачерпнула черпаком сливочно-сырный соус и налила его мне на тарелку.

– Простите, вы ошиблись.

Худышка застыла.

– Вегетарианский болоньезе, – проговорила она и протянула мне тарелку. – Добавить вам зеленого лука?

– Эм-м, простите, но...

– Да, добавьте, – сказала Джемма. Обернувшись, я кинула на нее вопросительный взгляд. Худышка тем временем залезла в горшочек с петрушкой. Мне на тарелку попали аж три листочка из тридцати.

– Это какая-то шутка? – тихо спросила я у Джеммы. Та покачала головой.

– Подожди немного. Главное представление еще впереди. – Джемма кивнула в сторону Джиджи. – Сегодня Джиджи ничего с собой не принесла.

– И что?

– Просто подожди.

– У вас есть что-нибудь из сои? – поинтересовалась Джиджи.

Повариха повернула голову и крикнула:

– Мелисанда! Ирландская девочка, которой трудно угодить, спрашивает, есть ли у нас что-нибудь из сои.

– Ничего нет! – слышалось со стороны кассы.

Джиджи разочарованно вздохнула.

– А овощные котлеты есть?

– Могу пожарить несколько штук, но придется подождать.

– Будьте так добры. И немного салата, пожалуйста.

– С какой заправкой?

– С любой.

– Хорошо.

– И положите мне чуть-чуть вареных овощей.

– Чего-нибудь еще? – с тяжелым вздохом спросила повариха.

Джиджи призадумалась.

– А у вас остался тот соус с черемшой, который...

– Следующий! – не выдержала повариха.

Джиджи надулась, но ничего не сказала.

В следующую секунду худышка передала мне тарелку... Ну, или попыталась. Она протянула руку через стойку, чудом об нее не ударившись. Спагетти съехали на край тарелки. Удивленно уставившись на худышку, я заметила, что она щурится, а ее глаза смотрят в разные стороны. Я вздрогнула.

– Спасибо.

Торопливо забрав тарелку, я похлопала Джемму по плечу свободной рукой.

– Все потом, – одними губами ответила она и направилась к кассе. За кассой находилась женщина, которую повариха назвала Мелисандой. Внешне она представляла собой что-то среднее между поварихой и ее помощницей – не худая, не толстая, не низкая, не высокая. Если выстроить этих троих в ряд, то они будут похожи на органные трубы. Джемма показала, где взять напитки, и поставила поднос у кассы.

– С вас три евро и шестьдесят центов, – объявила Мелисанда. Она была одета так же, как повариха со своей худой помощницей – в униформу и невероятно старомодный передник. Джемма вынула из кармана маленький кошелек, а я тем временем присмотрелась к Мелисанде. Высокий пучок седых волос напоминал разворошенное птичье гнездо. Зеленоватый лак на ногтях, сухая, как пергамент, кожа... Правым глазом дама уставилась на монеты, которые дала ей Джемма, а ее левый глаз... Он смотрел куда-то в сторону и блестел – неестественно, как стеклянный мраморный шарик. Мелисанда попробовала монету на зуб, и я удивленно вытаращилась на нее. Джемма никак не отреагировала. Остальные ученики, похоже, тоже привыкли к подобному. Я ожидала, что дама сунет в рот и мои бумажные пять евро, но она просто понюхала их с неприкрытым подозрением.

Джемма нашла для нас маленький столик неподалеку. Джиджи все еще ждала свой заказ.

– Скажи, эти трое всегда такие? – спросила я, поставив поднос на стол.

Джемма кивнула.

– Они – здешняя легенда. Их родственник проспонсировал строительство школы. Эти ведьмы работают тут с самого ее основания и находятся на особом положении. На них постоянно поступают жалобы от родителей, но у них полный иммунитет. – Джемма сунула в рот полную вилку спагетти, медленно прожевала и, проглотив, добавила: – Можешь себе представить, сколько деньжищ вложил сюда их родственник. Кажется, в бассейне висит памятная дощечка в его честь.

– Подумать только. – Я отпила глоток холодного персикового чая. – А вы не возмущаетесь из-за того, что они путают заказы и все роняют?

Джемма пожала плечами:

– Они неплохие. Со своими причудами, конечно, и грубоватые, но это не нарочно.

Я хотела было ответить, но тут к нам подошла Джиджи и поставила свой поднос рядом с моим.

– Это филе камбалы, а не овощная котлета, – сказала я, глядя на месиво в ее тарелке. – Ты же вроде вегетарианка?

– Да, но рыбу ем, – ответила Джиджи и взяла нож с вилкой.

– Ливия, ты что, разбираешься в рыбе? – поинтересовалась Джемма. Она уже прикончила свои спагетти. – На тарелке вся рыба выглядит одинаково, разве нет?

– Моя мама из Бретани. Она часто готовит рыбу. Рано или поздно начинаешь в ней разбираться.

– Твоя мама француженка?! Вот везуха! Значит, тебе не придется ходить на дополнительные уроки по французскому! Завтра ты рано освободишься.

– Французский – мой второй родной язык.

– Ты так хорошо говоришь по-английски, наверняка он тоже тебе родной! Твой отец откуда? Из Америки? – поинтересовалась Джиджи. – Чем он занимается? Что привело вас в Париж?

Я вкратце рассказала девочкам о себе, опустив тот факт, что общаюсь с цветами. Из-за волнения мне не очень хотелось есть, и через некоторое время до моей порции добралась Джемма.

– Мой папа тоже дипломат, – сказала Джиджи, гоняя переваренные овощи по тарелке. – Раньше мы жили в Сиднее. В Париж переехали полгода назад. Ты быстро освоишься. Город красивый, да и школа здесь хорошая. К тому же я рада, что могу лечь спать, не проверяя, прячутся ли в постели ядовитые пауки.

Джемма широко улыбнулась.

– Пауки едят комаров. И большинство нападают только тогда, когда им угрожает опасность.

– Вот вечно ты забываешь, что не все выросли в джунглях, окруженные ядовитыми насекомыми! – закатила глаза Джиджи.

Я не удержалась от смеха.

– Джемма, а откуда ты?

– Из Южной Африки. Маме в наследство достался огромный участок, и они с папой построили там что-то типа центра по спасению диких животных. Мои родители зоологи. Они сотрудничают со многими университетами и предлагают научным сотрудникам возможность пожить у нас на ранчо и поизучать животных. Мы приехали в Париж четыре года назад. Мама с папой хотели продолжить свои исследования в Сорбонне вместе с международной группой.

– А кто сейчас заботится о ранчо?

– У нас есть управляющий. Да и папа летает туда дважды в месяц, – Джемма широко улыбнулась и с хлопанием допила пакетик сока. – Но теперь давайте перейдем к более интересной теме. Ливия, у тебя есть бойфренд?

У меня тут же зачастил пульс. Я помотала головой и попыталась сдержать улыбку, но не смогла.

– Кто-то втюрился по уши, – хихикнула Джиджи.

Я успокаивающе подняла руки.

– Все началось совсем недавно. Мы встретились только в прошлую пятницу. Его зовут Маэль, ему семнадцать, он учится в лицее Людовика Великого. – Я смущенно улыбнулась. – И он очень милый.

Джемма отодвинула тарелку со спагетти в сторону. Джиджи взмахнула ресницами и подперла подбородок рукой.

– Какая прелесть! Давай, рассказывай! И со всеми подробностями!

Глава 4. Кофе и катакомбы

Картинки стремительно проносились у меня перед глазами. Рассеянный свет уличных фонарей, мигающие неоновые вывески, фары машин... Городские огни казались зеркальным отражением горящих на небе звезд.

Я вышла из дома не просто так. Я кое-что ищу. Кое-что очень важное. Это «кое-что» давно скрыто от людских глаз.

Я замедлилась, а потом и вовсе остановилась. Огляделась по сторонам и увидела между деревьями виллы в стиле модерн – молчаливых свидетелей ушедшей эпохи. Подул легкий ветерок, он зашелестел в аккуратно подстриженных кустах палисадников, нежно взъерошил мне волосы, разделяя их на пряди.

«Она здесь, никаких сомнений», – говорит мне внутренний голос, а в нем я уверена. Обернувшись, я оказалась перед виллой кремового цвета и почувствовала покалывание. Низкая ограда – не помеха, и вот я уже в саду, стою между кустами самшита, лаванды и ромашек. Сад старый. Это место наполнено воспоминаниями, тайнами и загадками. Я мельком взглянула на виллу. Все окна закрыты, жалюзи опущены, но в комнате на первом этаже, кажется, кто-то еще не спит. Желтые огоньки лампочек рисуют на ламелях симметричный узор. У старого дуба я присела на корточки, погладила мягкий мох. Под пальцами рассыпался полый желудь. Я зарылась пальцами во влажную землю.

Внезапно земля потеплела. Я что-то нащупала и вздрогнула – указательный палец словно током прошибло. Осторожно вытащив свою находку, я присмотрелась. Что это? Стоило предмету оказаться у меня на ладони, как комочки земли скатились с него, словно вода с лотоса. Это сережка. Маленькая золотая сережка. Формой она напоминала старинные серьги моей мамы. Простота верхней части подчеркивала замысловатость подвески. Изогнутые узоры складывались в цветок, на его чашечке мерцали крохотные капельки голубой эмали. Сережка выглядела изящно, элегантно и настолько красиво в своем гармоничном совершенстве, что я не могла отвести от нее взгляд. Сколько же она покоилась в земле под надежной охраной корней дуба? Кто ее потерял? И как?

– Ты молодец.

Поднявшись с колен, я повернулась на голос и увидела перед собой открытую шкатулку. Шкатулка следовала за моими движениями: если я поворачивала голову в сторону, она поворачивалась вместе со мной. Кроме шкатулки я не видела ничего – ни окрестностей, ни того, кто ее держит.

– Положи сережку внутрь.

Какой невероятно красивый голос! Чарующий и вместе с тем проникновенный... Ласковый, но безжалостный. Удивительный. Пугающий.

Не решившись сделать так, как он просит, я наклонилась в правую сторону. Края шкатулки растянулись, контуры расплывались, словно окруженные густым туманом. Я наклонилась влево. Края последовали за мной, растягиваясь все больше и больше, до тех пор, пока передо мной не осталось ничего, кроме сплошной черноты. Шкатулка казалась бездонной. Я с любопытством заглянула внутрь и почувствовала, как засосало под ложечкой. Чем дальше я смотрю в темноту, тем сильнее ощущение, что из глубины ползет она – древняя, ужасная, алчущая тьма, которая поглотит меня в один присест. Я отшатнулась, словно обжегшись.

– Положи сережку. Прошу тебя, – прошелестел голос.

Я кивнула, больше не в силах сопротивляться звучащей в нем власти, медленно занесла руку над шкатулкой и бросила украшение внутрь.

– Благодарю тебя.

Я снова кивнула.

Голос больше не давал о себе знать. Молочный туман рассеялся, и икатулка исчезла. Сережка, кажется, так и не достигла дна.

* * *

Во вторник я освободилась рано – как Джиджи с Джеммой и говорили, от французского меня освободили. Мы с Маэлем условились о встрече, и я так волновалась, что чуть ли не каждые пять секунд смотрелась в зеркальце – проверяла, нет ли на лице крошек. Люди в вагоне метро, наверное, думают, что у меня ОКР¹. Я снова посмотрелась в зеркальце, а потом решительно убрала его в сумку. От царапины на щеке не осталось ни следа. Мама еще в пятницу спросила, куда она делась, и я объяснила, что замаскировала ее косметикой. Родители переглянулись, но поверили – они прекрасно знают о том, что я часами смотрю на Ютубе обучающие видео по макияжу.

Но произошедшее не давало мне покоя. Царапинка исчезла на глазах. Так не бывает. В конце концов, я не вампир и не одна из Людей Икс. Я подавила улыбку. Люди Икс. Я отчетливо представила, как профессор Ксавьер спрашивает:

– Какой у тебя дар?

– Я общаюсь с растениями, – ответила бы я.

– И что они говорят? Предсказывают конец света? Рассказывают о будущем? Они могут управлять судьбами людей?

– Нет, обычно они на что-нибудь жалуются. Или просят, чтобы я их полила.

Мне выходить уже на следующей станции, поэтому я поднялась с места и торопливо разгладила платье. Пуловер Маэля я оставила дома – конечно же, совершенно, абсолютно случайно! К полудню столбик термометра почти достиг отметки в тридцать градусов, после обеда температура не упала, и поэтому для свидания я выбрала джинсовое платье цвета морской волны, купленное в интернет-магазине винтажной моды. Оно похоже на комбинезон, и я подозревала, что брючины просто перешли в юбку. Под платье я надела лимонно-желтую хлопковую футболку. Не знаю, пойдем ли мы в катакомбы, но на всякий случай лучше одеться потеплее. На время учебы я скрутила волосы в пучок, а теперь распустила, и они мягкими волнами спадали мне на плечи. Мой образ дополняли сдвинутые на лоб солнцезащитные очки с темными зеркальными стеклами.

Мы с Маэлем договорились встретиться у Эйфелевой башни. Пройти оставалось совсем немного... И тут я вспомнила сон, приснившийся мне прошлой ночью. Этот сон казался таким реалистичным... Я снова почувствовала под пальцами влажную землю, почувствовала вес сережки в руке – совсем как после пробуждения... Проснувшись, я была уверена, что это не просто сон, и до смерти испугалась, увидев сломанный ноготь. Прекрасно помню: мне снилось, что я сломала ноготь... Происходящее напоминало триллер. Возможно, я сломала его наяву, ворочаясь в кровати, а мозг воспроизвел это во сне? Во всяком случае, пальцы были чистыми, а значит, я не рылась в клумбах. Обломка ногтя я нигде не нашла, но многое говорило против приступа лунатизма – чистые ногти и туфли, одежда, лежавшая в том же месте, где я оставила ее накануне. Даже моя связка ключей казалась нетронутой. Весь день в школе я чувствовала себя на удивление усталой и решила, что мне приснился очень реалистичный сон. И все же... Меня не покидало ощущение уязвимости и настороженности. Казалось, телу известно такое, что разум принять не готов.

Впрочем, стоило мне увидеть Маэля, как усталость, страхи и сомнения отошли на второй план. Маэль приветственно махнул рукой и, улыбаясь, направился ко мне. В животе щекотало, будто там поселилась колония муравьев.

¹ Обсессивно-компульсивное расстройство (невроз навязчивых состояний) – психическое расстройство.

Маэль снова выбрал одежду в темных тонах. Узкие потертые черные джинсы, серая рубашка, браслеты, на шее – кожаный шнурок... На плече болтался черный рюкзак из какого-то блестящего материала, на носу красовались солнцезащитные очки, но Маэль снял их, заметив меня. Стекла очков отливали серебром, а поверхность мерцала, как жидкая ртуть. Какие вычурные! Впрочем, на Маэле они смотрятся классно. Маэль явно предпочитает черный и серый цвета, но я не против. Ему идет.

Я пошла ему навстречу, мы чуть было не врезались друг в друга и смущенно замерли. Маэль улыбнулся, я улыбнулась в ответ, но никто из нас не сдвинулся с места. Наконец Маэль собрался с духом, расцеловал меня в обе щеки, как это принято у французов, и тихо прошептал мне на ухо:

– Бонжур, Ливия.

Его волосы щекотали мне щеку, губы нежно касались кожи. До чего приятно... В животе запорхали бабочки. Как же здорово оказаться с ним рядом после всех этих сообщений по «Вотсапу»! За те три дня, что мы не виделись, я снова и снова представляла себе нашу встречу... Но ни одна фантазия, какой бы прекрасной она ни была, не может сравниться с реальностью.

– Бонжур, – немного смущенно пробормотала я. Близость Маэля заставляла меня нервничать.

– Ты хорошо добралась? – поинтересовался Маэль, торопливо заправив волосы за ухо. Он внимательно наблюдал за мной – видимо, пытался оценить мою реакцию. Я с облегчением поняла, что он тоже волнуется.

– Да. К счастью, поезда останавливаются у каждого столба, так что пешком много ходить не надо.

Маэль тихо рассмеялся.

– Неужто благородная госпожа сегодня без шофера?

– Я и в пятницу ездила на метро! – возразила я, игриво толкнув его.

– Ищешь общества простых смертных? Как же великодушно с твоей стороны! А что об этом думают уважаемая мама и дорогой папа?

– С тобой невозможно разговаривать! – рассмеявшись, ответила я. Маэль усмехнулся. Он выглядел довольным. Лед неловкости растаял, и казалось, что мы расстались не в пятницу, а всего несколько минут назад. Я благодарно улыбнулась Маэлю и поинтересовалась:

– Куда мы идем?

Маэль предложил выпить кофе, и теперь мне не терпелось узнать, куда он меня поведет.

– Куда захочешь. Хорошие заведения здесь на каждом углу. Лично мне больше всего нравится кафе «Гюстав». А еще можно взять напитки навынос и посидеть у Эйфелевой башни. Или пойти прогуляться.

– Знаешь, а идея с прогулкой мне нравится.

– Тогда давай сначала пойдем в «Гюстав» и возьмем там кофе. «Гюстав» специализируется на кофейных напитках для девчонок.

– Что еще за напитки для девчонок?

– Например, кофе с молочной пенкой, ореховым сиропом и шоколадной глазурью. С соевым молоком или нежирными сливками. Холодный кофе со вкусом карамели и с коричневой посыпкой... Ну и все в таком роде. Неужели ты не замечала, что девчонки никогда не пьют простой черный кофе?

Я засмеялась.

– Хорошо. Давай пойдем в «Гюстав».

– Отлично, – Маэль одарил меня неотразимой улыбкой. – Тогда вперед?

– Да!

Маэль сделал шаг назад, и мой взгляд упал на его ноги, обутые в сланцы с широким черным кожаным ремешком. Ногти были покрашены темно-серым лаком – матовым, не блестящим, из-за чего казалось, что они покрыты тонким слоем бетона.

Я уставилась на них во все глаза.

– Что это?

– Ноги, – ответил Маэль с абсолютной невозмутимостью. – Или ты про мои новые шлепанцы? Шикарные, правда? И удобные к тому же.

– Остряк.

Постепенно улыбка Маэля становилась все шире и шире.

Я снова опустила взгляд. Какой же Маэль... Какой же он... Кажется, у меня закончились прилагательные.

– Могу одолжить тебе лак, если хочешь, – сказал он.

Я с недоверием покачала головой.

– Ушам своим не верю.

– Они же тебе нравятся.

– Твои новые шлепанцы? Да, выглядят удобными.

– Мои ноги, – сказал Маэль. – Ты же знаешь, что речь о них, Златовласка.

– Ноги? – переспросила я без особого энтузиазма. – Не думаю, что это лучшая часть твоего тела.

Взгляд Маэля потемнел, и я осознала, что подлила масла в огонь.

– Нет, – я подняла руки в воздух. – Нет-нет-нет! Я не собираюсь играть с тобой в эту игру! Ни за что не стану говорить, какие части его тела считаю лучшими!

Самонадеянно улыбнувшись, Маэль наклонился и прошептал мне на ухо:

– Но я люблю играть в игры.

Я отшатнулась от него. Дистанция! Нужно держаться на безопасной дистанции! В противном случае мозги у меня отключатся и Маэль снова победит.

Нет, я не позволю ему так просто одержать надо мной верх!

– Ты же слышал про игровые комнаты, куда отводят маленьких детей? Возможно, существует что-то подобное и для семнадцатилетних... Надо погуглить. – Я начала демонстративно копаться в сумочке, вытащила телефон и задумчиво взвесила его в руке. – Запишем тебя в комнату для игр. А если приведешь с собой братьев, то, возможно, вам сделают скидку. Что думаешь?

– Я думаю: и как столько нахальства уместается в такой маленькой девушке?

С этими словами Маэль подошел немного ближе. Я опустила руку – телефон будто потяжелел на десять килограммов. Маэль заглянул мне в глаза. У меня появилось ощущение, что передо мной выросла стена. На секунду стало так тихо, будто кто-то выключил окружающий шум. Безумие какое-то! Я слышала, как бьется сердце Маэля. Слышала, как течет кровь по его венам. Ощущала, как действует на него мое присутствие. Казалось, мы связаны, соединены в некое подобии симбиоза... Мы не касались друг друга, и все же... я чувствовала Маэля и чувствовала то, что чувствует он. Он пах тем же парфюмом, что и в нашу прошлую встречу, но я все равно ощущала запах его кожи. От Маэля пахло отвагой, силой и неудержимым желанием чего-то... большего от наших отношений. Я едва заметно вздрогнула. Не этого я ожидала... Мы продолжали смотреть друг на друга, а потом взгляд Маэля изменился. Его глаза – темные, цвета дождевых облаков – прояснились, стали ярче. Маэль издал странный сдавленный звук. У меня создалось впечатление, что он изо всех сил пытается держать себя в руках.

– Маэль?... – Собственный голос доносился словно издалека.

Маэль моргнул, и его глаза стали такими, как раньше. Неужели показалось?... Нет, я точно знаю, что на секунду они изменились! Наша связь оборвалась так внезапно, что у меня закружилась голова. Мне уже случалось влюбляться, но я никогда не чувствовала ничего подобного.

Неужели это та самая волшебная связь, которой все бредят? Ощущение, что знаешь кого-то целую вечность? Это бы все объяснило, но... даже не знаю.

– Ты в порядке? – спросила я, посмотрев Маэлю в глаза. – У меня появилось ощущение, что... – Я запнулась, а потом продолжила, тщательно подбирая слова: – Твои глаза... Ты носишь контактные линзы?

– Нет, я... – Маэль вздохнул. – Прости. Сегодня у меня был экзамен по философии, поэтому ночью я занимался. – Он криво усмехнулся. – Философия – не мой конек. Если всю ночь паял в планшет, пытаюсь выучить разные теории, то утром глаза будут красные, как у кролика.

Но у Маэля глаза не как у кролика, да и веки не опухли... Кроме того, бессонная ночь не объясняет странные чувства, охватившие нас. Но с моей стороны будет глупо спрашивать, похожи ли наши ощущения на «настоящую любовь», поэтому я решила оставить расспросы.

– Очень сочувствую. Ты сильно устал? Может, перенесем кофе на завтра?

– Еще чего, – отозвался Маэль и игриво дернул лямку моего платья. – Это что, бывший комбинезон?

Он явно хотел сменить тему, и я решила подыграть.

– Похоже на то. Забавно, да?

Маэль многозначительно промолчал.

– В чем дело? – Я уставилась на него, как ниндзя – на будущую жертву.

Маэль обладал способностью мгновенно придавать лицу ангельски-невинное выражение. Выдержав драматическую паузу, он снова осмотрел мой наряд и поднял взгляд.

– Ты ведь знаешь, кто такие миньоны?

* * *

Да, я поколотила его за наглость. Несильно, но поколотила. Маэль засмеялся, когда я набросилась на него, разрываясь между смехом и праведным возмущением, а потом схватил меня за запястья, скрутил и заставил пообещать, что я угомонюсь. Я, в свою очередь, взяла с Маэля слово, что он больше не будет сравнивать мой сине-желтый наряд с миньонами. Потом он повел меня в кафе «Гюстав».

Что ж, пока все идет отлично.

Кафе пряталось в одном из переулков неподалеку от Эйфелевой башни. Туристов здесь оказалось мало – наверное, несведущему человеку найти это место непросто. Узкая полоска тротуара перед кафе заставлена столиками. Плетеные стулья стояли у столиков с мозаичным рисунком, а небольшие, обитые тканью скамьи и потрепанные кожаные стулья в стиле семидесятых – вокруг больших деревянных столов. Из радио доносились последние французские хиты. На огромной витрине стояли разные пирожные, кексы и большое, размером с блюдо, американское печенье «куки»... Соблазнительно пахло свежесваренным кофе. Я мечтательно вздохнула.

– Чего хочешь? – спросил Маэль, легонько пихая меня в плечо.

– Кофе, пожалуйста.

Маэль оторопело уставился на меня.

– Обычный кофе?

Я кивнула, с трудом сдерживая усмешку.

– Обычный черный кофе? – не унимался Маэль.

– Да.

– Без обезжиренного молока, шоколадного сиропа и натурального сахарозаменителя?

– Да, пожалуйста.

Маэль скользнул взглядом по моей фигуре.

- Ты ни в чем не хочешь мне признаться?
- Я не мальчик, если ты об этом, – фыркнула я.
- Тогда пришелец? – нахмурившись, предположил Маэль. – Или вампир?
- Оборотень, – ответила я низким голосом.

Маэль покорно вздохнул.

– Что ж, это многое объясняет. Я скоро вернусь, – сказал он и направился к стойке. Один из официантов протянул ему руку для рукопожатия, а девушка на кассе приветственно махнула. Она удивилась, когда Маэль заказал две чашки кофе, и с любопытством посмотрела на меня. Видимо, Маэль нечасто приходит сюда в женской компании... От этой мысли стало так радостно на душе...

У меня за спиной раздался гудок клаксона, и я на секунду отвлеклась, а когда повернулась обратно, то увидела, что вместе с кофе девушка протянула Маэлю сверток с выпечкой. Маэль, в свою очередь, вытащил из бумажника купюру.

Я направилась ему навстречу.

– Держи, это тебе, – сказал Маэль и протянул мне сверток. – Вкуснее в городе не сыщешь.

Я с любопытством заглянула в сверток. Внутри лежало печенье «куки». Оно выглядело очень аппетитным, а пахло вообще потрясающе.

– Куки! – просияла я. – Спасибо! Выглядят офигенно.

– Да... – Маэль взъерошил волосы. – Я хотел заказать собачье печенье, но в кафе было только это.

– Рассердишь меня – и я тут же превращусь в волка, так что берегись!

– А ты не думала, почему я дал тебе печенье заранее?

– Что, боишься меня?

– Все мужчины боятся женщин, даже если не признаются. Женщины абсолютно непредсказуемы. – Маэль повернулся ко мне. – Особенно если они еще и оборотни.

– Значит, ты любишь рисковать, – со смехом сказала я.

– Не без этого, – улыбнулся Маэль.

– Да, я уже заметила.

Он мрачно засмеялся, а затем подтолкнул меня, заставляя пройти вперед. Потом тротуар стал шире, и мы снова смогли идти рядом.

– Попробуй кофе, и пойдем гулять.

* * *

Мы с Маэлем исследовали территорию вокруг Эйфелевой башни, пили кофе, ели печенье. У меня снова появилось ощущение, что это не первое наше свидание. С одной стороны, мы общались так, будто знакомы целую вечность, с другой стороны – я с каждой секундой понимала, что хочу большего... Это вызывало у меня эйфорию. Я смеялась столько, сколько не смеялась очень давно. Маэль умел развлекать.

К тому времени, как мы сели на скамейку неподалеку от Эйфелевой башни, часы уже показывали пять вечера. Большинство туристов вернулись в свои отели, чтобы передохнуть перед ужином. Некоторое время мы молчали, но молчание не было таким неловким, как сегодня днем.

К нам подошли воробьи. Маэль вынул из кармана смятый сверток от печенья, высыпал крошки в руку и бросил птичкам. Мы наблюдали за воробьями, пока те не доели крошки и не устали на нас, требуя добавки.

– А твои родители знают, что ты катафил? – спросила я. Несколько воробьев испугались моего голоса и отпрыгнули подальше.

Маэль покачал головой, не отрывая взгляда от птиц.

– А что ты им говоришь, когда идешь в катакомбы?

Маэль поджал губы, но потом заставил себя расслабиться. На меня он не смотрел.

– Мне не нужно никому ничего говорить. Я живу один.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы переварить услышанное.

– Но ты же несовершеннолетний... – сказала я и только потом поняла, что означают слова Маэля. – Ой, прости! Это так бестактно с моей стороны! Твои родители... они не...

Маэль успокаивающе погладил меня по плечу.

– Ничего страшного. Мои родители никогда не были женаты. Я родился в результате мимолетной интрижки. Мать надеялась на большее, но отец отверг ее. Это ее сломило. Она ушла, когда мне было всего девять. Никто не знает, где она сейчас и жива ли вообще. Поначалу мне было сложно, но потом я привык. Я постоянно спрашиваю себя: что я сделал не так? Сейчас мой отец живет с другой женщиной. Заботливым его не назовешь, но он дает мне деньги, считая, что на этом его долг выполнен. У меня есть крестный, он в какой-то мере заботится обо мне. Он моложе отца. Мы хорошо ладим. Крестный снял мне квартиру, он мой официальный опекун. У него свое рекламное агентство, он всегда в разъездах и поэтому не лезет в мою жизнь.

Маэль говорил так спокойно и рассудительно, что я невольно бросила на него обеспокоенный взгляд.

– Мне очень жаль.

– Все в порядке, – улыбнулся Маэль. – Да здравствует пиццерия!

Я хотела его поддержать и засмеялась, несмотря на то что веселья не чувствовала.

– Тебе было всего девять! Кто заботился о тебе, когда у твоего крестного не было времени?

– Няни и домработницы.

Даже представить не могу, каково это – расти без родителей. Возможно, поэтому Маэль зачастую кажется старше, чем он есть на самом деле. Возможно, поэтому большинство его друзей старше него. Сердце у меня болезненно сжалось. В детстве я обожала по воскресеньям залезать в кровать к родителям и обниматься с ними. Я хорошо это помню. А еще помню, как звала их, когда ночью мне становилось страшно. Я знала, что родители всегда рядом. Маэль лишился всего этого, но не сломался, а только стал сильнее.

– Как ты выдержал? Наверное, тебе жутко не хватало родителей! Кто утешал тебя, когда ты грустил? Кто обнимал тебя? Обниматься с няней – не то же самое, что обниматься с родителями!

– Я никогда не любил обниматься.

– Все любят обниматься.

– Не верю, – сказал Маэль, с вызовом глядя на меня.

Я придвинулась к нему. Маэль выглядел немного удивленным, но не отсел. Я боялась, что он меня оттолкнет, но отступать не стала. Нежно погладила его по руке. Маэль не шелохнулся. Прижавшись щекой к его плечу, я принялась чертить кружочки у него на ладони. Мои движения становились все медленнее и медленнее. Я подняла взгляд. Маэль смотрел на меня широко раскрытыми, потемневшими глазами. Он казался... беззащитным.

– Продолжай, – глухо произнес Маэль. Оперся правой рукой о скамейку, чтобы я могла придвинуться еще ближе, а левую положил на колено. Я стала рисовать кружочки и на ней, а потом снова посмотрела на Маэля. Тот сидел с закрытыми глазами, и я позволила себе разглядеть его вблизи. Красивый изгиб рта, губы на вид мягкие и невероятно притягательные. На коже – ни единой неровности. Кончик его носа дернулся, и я торопливо отвела взгляд.

– Все еще не веришь? – едва слышно спросила я.

Маэль покачал головой, а потом открыл глаза и тепло улыбнулся. Бабочки у меня в животе проснулись и закружились в вихре танца. Мы сидели так близко, что Маэль, наклони

он голову, мог бы коснуться моих губ своими... По его глазам я поняла – он думает о том же. Его взгляд скользнул по моим губам. «Сейчас он меня поцелует», – подумала я. Возможно, для этого еще рано – в конце концов, никто не целуется на первом свидании, – но мне плевать. С Маэлем все иначе. Мы общаемся так, будто ждали друг друга всю жизнь. Поцелуй станет кульминацией наших чувств.

Но Маэль меня не поцеловал. Внезапно выражение его лица изменилось, и он вскочил на ноги.

– Тебе не пора домой?

Я растерянно уставилась на него. Что случилось? Я сделала что-то не так? Маэль дает понять, что наше свидание подошло к концу?

– Или ты хочешь пойти со мной? Но это затянется часа на два, – сказал он, глядя мне в глаза.

Он стоял передо мной, не зная, куда деть руки, заметно волновался и отчаянно делал вид, что между нами не произошло ничего особенного. Странное зрелище....

– Прямо сейчас? – спросила я.

Маэль кивнул.

– Куда?

– В катакомбы. Мне нужно там кое-что изучить, – ответил он и поднял лежавший возле скамейки рюкзак. Сказать, что он застал меня врасплох, – значит, ничего не сказать. Что случится, если я сейчас не вскочу и не пойду за ним? Он оставит меня здесь, на этой скамейке, и уйдет?

– Изучить? – Я тянула с ответом. Мне нужно время, чтобы осмыслить быструю смену его настроения.

– У меня проект по истории. Я пишу об участках катакомб, которые не нанесены на карту.

Я все еще чувствовала себя сбитой с толку, но мои маленькие серые клеточки заработали в полную силу.

– Учитель разрешил тебе блуждать по неизученным туннелям?!

Интересно, о чем пишут его одноклассники? О подводном плавании без кислородного баллона? О прыжках с тарзанки без каната?

Маэль нацепил на нос солнцезащитные очки, хотя уже начинало темнеть. Из-за стекол с металлическим блеском черты его лица казались еще более острыми.

– В описании проекта я сформулировал свои планы несколько иначе.

– Дай угадаю, – сказала я, поднимаясь со скамейки. – Твой учитель думает, что ты сидишь в архиве и изучаешь старые чертежи, а ты тем временем гуляешь по полуразрушенным туннелям, как самоубийца.

Настроение Маэля снова изменилось – можно подумать, внутри у него переключатель эмоций. От прежнего волнения не осталось и следа. Маэль рассмеялся и поднял на лоб солнцезащитные очки.

– Ты как будто видишь меня насквозь. Аж страх берет.

Я усмехнулась.

– Обращайся.

– Ну так что? Пойдешь со мной?

– Хочешь сказать, что вдвоем ползать под завалами веселее? Будет с кем поболтать, пока кислород не закончится... – Я поджала губы. – Предложение, конечно, заманчивое, но я даже не знаю...

Маэль неодобрительно щелкнул языком.

– Воображение оказывает тебе плохую услугу, Златовласка. Я хорошо знаю эти туннели, но есть там одно местечко, которое нужно изучить повнимательнее. К нему примыкает хранилище Национального банка. Меня интересует история этого места, и, чтобы в ней разобраться,

необходимо как можно точнее нанести его на карту. Кстати, туннели не обваливаются, и ползать по ним не обязательно. – Маэль многозначительно взглянул на меня. – Но если ты очень хочешь...

– Остряк, – я несильно ущипнула его за бок.

– Ну что, будем звонить маме с папой и спрашивать у них разрешение? – Маэль поиграл бровями.

Я снова ущипнула его, на этот раз – немного сильнее.

– Ты щиплешься, потому что не взяла мармеладных мишек и тебе нечего в меня бросить? – поинтересовался Маэль, перехватив мою руку.

– Будь чуточку повежливее! Не все школьники живут одни и могут творить, что хотят!

– Быть повежливее? Но это же так скучно!

Маэль вывернул мне руку, и я впечаталась спиной ему в грудь.

– Я обещаю, что позабочусь о тебе, – прошептал Маэль, наклонившись к моему уху. – С тобой ничего не случится, пока я рядом.

Дыхание Маэля обжигало кожу. Мне показалось, что я чувствую мягкое и нежное, как перышко, прикосновение чужих губ. Волоски на руках встали дыбом. Я чуть-чуть повернула голову, чтобы оказаться еще ближе к Маэлю.

– Ты мне доверяешь? – он снова коснулся губами моего уха.

Я кивнула.

Маэль быстро поцеловал меня в волосы над виском и сказал:

– Тогда пойдем. Мы управимся до темноты.

* * *

В подземный мир Парижа мы проникли через очередную «Кроличью нору». Она не была спрятана в саду. Ничего подобного. Мы спокойно шли по улице, пока Маэль не остановился у каких-то кустов.

Оглядевшись по сторонам, словно тайный агент, Маэль выудил из кустов железку, похожую на лом. Убедившись, что вокруг никого нет, он просунул железку между камнями на дорожке. Оказалось, что камни скрывают зацементированную плиту, в которой находится невидимый сверху люк. Маэль поднял крышку и осторожно отодвинул ее в сторону.

– Быстрее, – велел он, указав на открывшееся перед нами отверстие. – У стены находится лестница. Она ржавая, но крепкая. Окажешься внизу – никуда не уходи. Я верну люк на место и сразу же спущусь. – Он нацепил мне на запястье ремешок карманного фонарика. – На первое время хватит. – Он подтолкнул меня вперед. – Быстрее, пока нас никто не видит.

У меня перехватило дыхание. Спуститься вниз? Одной? Но отверстие не больше канализационного люка! Лестницу я увидела не сразу.

– С тобой ничего не случится, – сказал Маэль, приобнимая меня за плечи. – Спускайся медленно. Окажешься внизу – подожди меня, хорошо?

– Хорошо, – ответила я, в моем голосе прозвучало волнение. Маэль крепко держал меня, пока я не ухватилась за лестничную перекладину. Я начала спускаться, осторожно нащупывая одну перекладину за другой...

– У тебя отлично получается!

Меня окутала тьма. В нос ударил запах камня и многовековой пыли.

– Они меня прикончат, – пробормотала я, мельком подумав о родителях. – Ну что за...

Через несколько секунд я коснулась ногами пола. Коридор передо мной был примерно два метра в высоту и чуть меньше метра в ширину. Да уж, ползти нам точно не придется. Я услышала, как зашлепали по ржавой лестнице сланцы. Хорошо, что к джинсовому платью я

сегодня надела мягкие кеды! Видимо, подсознательно я ожидала, что снова спущусь в катакомбы.

Маэль с громким скрипом вернул каменную плиту на место. Я посветила на него фонариком. Сверху посыпались пыль и камешки, и я закашлялась.

– С тобой все хорошо?

Маэль спустился вниз с такой скоростью, будто вырос где-нибудь в джунглях, в племени шимпанзе. На шее у него болтался включенный фонарик.

– Да, – ответила я, опуская фонарик. – Но здесь так темно, что становится не по себе.

– Всем поначалу не по себе, но со временем к темноте привыкаешь. – Маэль достал из рюкзака серые кеды и, переобувшись, положил шлепанцы в боковой отдел. Широко улыбнулся и взмахом указал на мою обувь: – Мы как будто сговорились.

Потом Маэль вытащил из рюкзака большой фонарик, включил его и сунул под мышку.

– А ты отлично справляешься. – Он снял с шеи фонарик и убрал его. – Другие на твоём месте давно бы сбежали.

– Я была в шаге от этого, – призналась я.

– Но не сбежала же. – Маэль погладил меня по волосам. – Я горжусь тобой.

Смутившись, я отвела взгляд. Маэль убрал руку и повернулся в сторону коридора.

– Надо поторопиться, – сказал он. – Вдруг нас кто-то видел и вызвал полицию? – Он направился вперед. – Держись за мной и смотри, куда идешь.

– Ага. – Я посветила фонариком ему вслед. Отражатели на рюкзаке вспыхнули, как блуждающие огоньки. Маэль обернулся и протянул мне руку в приглашающем жесте, который выглядел таким театральным, словно из старомодной шекспировской постановки.

– С возвращением в царство мертвых, благородная леди.

Я покачала головой. Ну вот, Маэль снова меня дразнит! Я решила отплатить ему той же монетой.

– Нам еще далеко?

В ответ Маэль громко застонал.

Я захихикала.

– Клянусь, в следующий раз я прихвачу с собой пакетики с соком, сэндвичи и туалетную кабинку. И – нет, нам недалеко. Если запасешься терпением, то скоро мы увидим кое-что по-настоящему интересное.

Кое-что интереснее, чем спрятанный посреди улицы проход в подземный мир и спуск по лестнице времен Наполеона?

– Хорошо.

– Закрой глаза, – приказал Маэль, замедлив шаг.

Я ослышалась. Конечно же, ослышалась. Должно быть, он несерьезно. Слабый лучик света от моего фонарика освещает путь всего на шаг вперед. Повезло, что я до сих пор не навернулась!

Маэль обернулся и пошел мне навстречу. Его глаза переливались, как дымчатый кварц.

– Закрой глаза, Ливия.

Нет, я не смогу. Даже если очень постараюсь. По позвоночнику пополз липкий страх, подсознание твердило: что-то не так. С Маэлем что-то не так! Кажется, будто не он прокладывает себе путь во тьме, а сама тьма расступается перед ним, освобождая дорогу! На секунду показалось, что в темноте он видит так же хорошо, как при свете дня, и что фонарь ему совсем не нужен. Его глаза впитывали робкий свет моего фонарика, словно губка, отчего радужка светилась изнутри...

– Закрой глаза... – В голосе Маэля прозвучали веселые нотки.

Я покачала головой, практически чувствуя, как с бешеной скоростью закрутились шестеренки в мозгу. Когда-то я читала, что приматы – к ним относятся и люди – боятся пауков из-

за того, что наш мозг не понимает, как такое количество лап может двигаться одновременно. У Маэля нет лишней пары конечностей... но ощущение он вызывал похожее. Меня охватили растерянность и беспокойство, в голове будто включилась красная кнопка тревоги.

– Подожди! – крикнула я. Рот словно набили ватой, язык одеревенел и ворочался с трудом.

Маэль приостановился.

– Ты в порядке?

Я снова покачала головой. У меня взмокли ладони.

Маэль хотел было подойти ко мне, но я выставила перед собой руку и сказала:

– Стой.

Маэль замер, словно от удара.

– Ливия?

Я тяжело сглотнула. Господи, да что же со мной происходит?! Я совсем спятила? Что это, очередная галлюцинация? Или всего лишь паническая атака?

Раздался шорох, и Маэль протянул мне бутылочку воды. Дрожащими пальцами я открыла крышку и торопливо сделала несколько глотков.

– Хочешь, я выведу тебя на поверхность?

Я задумалась. Проблема не в том, что я под землей. Я испугалась не катакомб, а Маэля. Я скользнула по нему взглядом. Эта мысль кажется такой абсурдной, что даже произнести стыдно. Он ничего не сделал, просто смотрел на меня и сказал несколько слов. Я схожу с ума. Да, я определенно схожу с ума.

– Дай мне минуту.

– Если тебе страшно, то давай уйдем отсюда.

– Мне не страшно! – сдавленно сказала я и принялась лихорадочно искать отговорку: – У меня просто голова закружилась. Здесь душно, воздух спертый.

– Ты уверена? – поинтересовался Маэль. Он по-прежнему держался на расстоянии. – Это не так срочно. Я могу вернуться сюда завтра...

– Я в порядке. – Сделав еще один глоток воды, я отдала Маэлю бутылку. – Спасибо.

Я незаметно вытерла вспотевшие руки о джинсовую ткань платья. Пульс уже успокаивался, и я чувствовала, что снова могу контролировать собственное тело. Взглянув на Маэля, я не заметила ничего настораживающего. Он выглядел совершенно обыкновенно, разве что чуточку взволнованно, и двигался тоже обыкновенно. Я мысленно прокляла тот день, когда мне исполнилось шестнадцать. Что случилось? Может, это игра гормонов? В конце концов, в период полового созревания бывает все что угодно. По крайней мере, так написано на сайте, на который я недавно наткнулась. Это не объясняет моей способности общаться с растениями, но... я уже морально готова к диалогу с ними. Однажды мне встретится какой-нибудь одуванчик, кактус или, может, падуб, который сможет ответить на мои вопросы. Я мысленно вздохнула.

На мгновение меня охватило искушение рассказать обо всем Маэлю, но... что он подумает? Наверняка решит, что я спятила, и перестанет со мной общаться. Нет, ни за что! С Маэлем мне хорошо – если закрыть глаза на периодические приступы паники. Дело во мне, а не в нем. Я украдкой взглянула на Маэля. Он смотрел на меня – серьезно и в то же время озабоченно. Даже в темноте я видела, как блестят его черные волосы. Он стоял, скрестив руки на груди, эта поза подчеркивала его широкие плечи и привлекала внимание к серебристым браслетам. Сейчас Маэль напоминал древнего воина, который нарядился в джинсы и рубашку, чтобы вписаться в современный мир. Какая заманчивая картинка... Маэль шевельнулся, и я тут же вернулась из мира грез в реальность.

– Что ты хотел мне показать?

Маэль все еще выглядел так, будто сомневался, стоит ли нам идти дальше.

– Мне уже лучше, – заявила я, твердо посмотрев на него. – Правда.

Маэль с виноватым видом покачал головой. Наверное, он ругал себя за то, что привел меня сюда.

– Мне и правда лучше, – повторила я.

– Хотелось бы мне сказать, что я тебе верю и что я не поступил как последний эгоист, затащив тебя сюда, – он серьезно посмотрел на меня, – но это было бы ложью.

– Прекрати. Я пошла с тобой добровольно, и ты не виноват в том, что мои сосуды решили все испортить. – Я шагнула к Маэлю. – Покажи уже, что тут такого интересного.

Помедлив секунду или две, Маэль взял меня за руку.

– Не возражаешь? – спросил он, кивком указав на наши сцепленные руки. – Мне спокойнее, когда я знаю, что ты рядом.

– Да, – пролепетала я. Маэль взял меня за руку. Господи. Он взял меня за руку. Потому что так ему будет спокойнее. Ущипните меня! От восторга мое сердце пустилось в пляс, и я растеряла остатки страха. Мы держимся за руки. Как настоящая парочка. И я чувствую себя совершенно нормально. Никаких странных ощущений, никаких галлюцинаций – только тепло его кожи. Я бы сфотографировала наши руки, но это будет выглядеть очень глупо.

– Мы скоро придем, – прошептал Маэль.

Сердце снова подскочило к горлу, но не от испуга. Мои панические атаки проходят так же внезапно, как и появляются. Это их единственный плюс. В голове прояснилось, эндорфины в крови танцевали самбу. Но я решила при первой же возможности сходить к врачу и рассказать ему о своих странных припадках. Дальше так продолжаться не может!

– Мы на месте, – объявил Маэль, и я на время отложила эту мысль.

Перед нами открылось большое помещение. Маэль увлек меня в середину, потом перевел лучик фонарика с пола на стены и стал поворачиваться вместе со мной, медленно освещая все вокруг.

У меня перехватило дыхание. Кости. Куда ни кинь взгляд – всюду кости, черепа, снова кости. Стены от пола до потолка украшены узором из перемежающихся черепов и костей. Должно быть, их здесь сотни – нет, даже тысячи!

Я чувствовала их запах. Да, от них исходил тот специфический запах, который я почуяла во время своего первого спуска в катакомбы. Как ни странно, он не вызывал у меня страха. При виде костей я думала не о чем-то страшном, а о людях, которые обрели здесь покой.

– Сколько же тут людей, – прошептала я. – Почему их не похоронили на кладбище?

– Кладбища были переполнены, поэтому умерших эксгумировали и поместили в оссуарий. Вопреки тому, что часто пишут в Интернете, могил здесь нет. Кости перенесли сюда, чтобы сохранить. Температура в катакомбах хорошо для этого подходит, – пояснил Маэль.

– Потрясающее зрелище.

– Если тебе здесь понравилось, то потом я покажу тебе еще один особенный зал, – пообещал Маэль, нежно поглаживая мою ладонь.

– Было бы здорово...

– Только давай отложим на другой раз? Думаю, на сегодня с тебя хватит.

Маэль все еще поглаживал мою руку.

Я ненадолго задумалась. Полагаю, родители бы хотели, чтобы я вернулась со своего первого свидания не слишком поздно. Пусть даже это свидание с «воспитанным учеником из лицея Людовика Великого», как называет Маэля мама. Губы невольно растянулись в улыбку.

– Я б не пожалел серебряного денария, чтобы узнать, о чем ты думаешь, – сказал Маэль, перехватив мой взгляд.

И где он только откопал такие древние выражения?

– Просто подумала, что мои родители будут от тебя в еще большем восторге, если сегодня мы закончим пораньше.

– «В еще большем восторге»? – переспросил Маэль, раскачивая наши сцепленные руки взад и вперед. В его голосе прозвучало веселье и любопытство. – Что ты обо мне рассказывала?

– Что ты ходишь в хорошую школу. Пока этого достаточно.

– Это мой единственный плюс. – Маэль наклонился ко мне и добавил: – Умная девочка. Я рассмеялась.

– Все получилось случайно. Мама узнала эмблему на пуловере.

– А, точно. Она же француженка. Что объясняет, откуда дочь американского дипломата так прекрасно знает французский.

– Что есть, то есть, – подмигнула я. Я уже рассказала Маэлю немного о своей семье, когда мы переписывались по «Вотсапу» и он спросил, почему я езжу с водителем.

– Я провожу тебя до станции, – заявил Маэль. – По крайней мере, так я буду уверен, что ты не заблудилась по дороге к метро. Куда тебе?

– На Марсово поле.

– Хорошо, – улыбнулся Маэль. – Это совсем близко.

– Скажи, нам обязательно возвращаться тем же путем? Вдруг мы вылезем тогда, когда на улице будет толпа туристов?

Маэль покачал головой.

– Пойдем по другой дороге. Люк, в который мы спустились – это только вход. Именно потому, что можно попасться на глаза прохожим или кого-то покалечить. Выход, которым мы воспользуемся, находится немного в стороне. Но ты же не против проехать лишнюю остановку на метро?

– Нет, совсем не против, – ответила я и, поколебавшись, добавила: – А где находится другой выход? Хочу знать, чего ожидать.

Лицо Маэля посерьезнело.

– Я тебя напугал, да? Прости, мне очень жаль. Столько впечатлений за раз... Видимо, для тебя это оказалось слишком, но я понял это только тогда, когда ты побледнела и остановилась... Нужно было заранее объяснить, где расположен вход и как мы будем спускаться. Когда постоянно общаешься с теми, кто ходит по катакомбам столько же, сколько ты, то перестаешь обращать внимание на такие вещи. – Маэль сжал мою руку. – Пообещай, что в следующий раз скажешь, что тебе нехорошо.

– Обещаю, – кивнула я. Слова Маэля меня немного тронули.

– Пойдем, по дороге я во всех подробностях объясню, как и где мы выберемся на поверхность.

– Прекрасно, – я улыбнулась.

– Да, я такой, – беспечно отозвался Маэль, и я снова ущипнула его за бок.

* * *

Люк, через который мы поднялись на поверхность, выходил на задний двор супермаркета. Кто-то ловко спрятал его за мусорными баками, чтобы скрыть от чужих глаз. Очевидно, у катафилов куда больше сторонников, чем я думала.

Маэль помог мне выбраться и отпустил мою руку. Я почувствовала укол разочарования. Маэль вернул крышку люка на место, и тот слился с асфальтом.

Выпрямившись, Маэль спрятал наши фонарики в рюкзак, переобулся в сланцы. Быстро проверил свой смартфон, ответил на какое-то сообщение и сунул смартфон в задний карман джинсов.

У меня сложилось впечатление, что у него какие-то планы... Но я не осмелилась спросить, какие именно.

До ближайшей станции метро идти оказалось недалеко. На прощание Маэль чмокнул меня в щеку, но не спросил, когда мы встретимся снова. И не сказал ни слова о том, какие у него планы на вечер. Мои планы его тоже не интересовали. А ведь мы могли бы найти тысячу тем для разговора! Почему Маэль не рассказал о том, каково ему живется одному? Почему не рассказал ни о своих названных братьях, ни о школе, ни об увлечениях?

«Неужели я напортчила?» – этот вопрос мучил меня всю дорогу домой. Что-то пошло не так. Я расстроено шагала по авеню Боске. К счастью, скоро буду дома. Я достала телефон. Ни одного нового сообщения. После нашей первой встречи Маэль написал, когда я еще сидела в машине. Я просмотрела историю переписки. Последний раз Маэль был в сети три минуты назад. Я тихо вздохнула.

– Небеса падут!

Какой знакомый голос... Повернув голову, я заметила старика, просящего милостыню, он сидел на тротуаре в нескольких метрах от меня. Это тот самый человек, которого я видела на площади Денфер-Рошро!

Прохожие двигались по улицам, сливаясь в беспорядочный поток – час пик, все возвращались с работы. Как и в прошлый раз, старик сидел на замызганной дырявой подстилке.

Он посмотрел прямо на меня, и я застыла на месте. Кто-то позади сердито выругался, но я не могла пошевелиться. Кровь резко прилила к лицу. «Нет, пожалуйста, только не это», – мысленно взмолилась я. Только не снова! Хватит на сегодня панических атак! Я очень расстроилась и устала и к тому же чувствую себя совершенно сбитой с толку! Мне хочется упасть в кровать, накрыться с головой одеялом и забыть о том, что с каждым днем моя жизнь все больше трещит по швам...

– Эй, ты! – закричал старик, махнув в мою сторону грязной рукой. Пальцы у него оказались тонкими и сильными. Даже грязь не могла этого скрыть. Я вздрогнула.

Вытянув палец, старик указал на меня.

– Ты хранишь в себе воду, – произнес он, устремив на меня свои слепые, покрытые шрамами глаза.

Я до боли закусила губу и медленно покачала головой:

– Нет, пожалуйста...

Я даже не поняла, что сказала это вслух, пока не поймала на себе любопытные взгляды прохожих. Двое человек даже остановились.

– Чего надо? – рявкнула я. Прохожие посмотрели на меня как на сумасшедшую и пошли дальше.

Я снова оглянулась на старика.

– Подойди сюда, – сказал тот, поманив меня указательным пальцем.

Я покачала головой. Хочу домой. Хочу домой! Я почувствовала, что ладони снова взмокли, и сжала их в кулаки, пытаясь успокоиться.

– Я знаю, ты слышишь их голоса, – сказал старик и задумчиво погладил свою косматую бороду. – Ты пробудилась, дочь Истока, и хранишь внутри себя воду!

У меня перехватило дыхание. Этот старик что-то знает! Да, его слова звучат безумно, но... сейчас он говорит полными предложениями, а не произносит запутанные обрывки фраз, как в прошлый раз!

Старик наклонился в сторону – такое ощущение, будто он раскачивается в такт какой-то песенке. Его губы растянулись в улыбку, которую нельзя было назвать дружелюбной. Так улыбается безумный маньяк с топором, глядя на свою будущую жертву.

Кто-то пихнул меня в плечо, и я сделала несколько шагов вперед.

– Будь осторожна со своими желаниями, – хрипло проговорил старик, его голос звучал чуть громче шепота.

С ума сойти! Откуда он знает, что было написано в предсказании, которое я нашла в печенье в день шестнадцатилетия?! Я оказалась к старику так близко, что отчетливо видела шрамы у него на глазах. Некоторые были тонкими и белыми, другие – выпирали толстыми кривыми полосами и выглядели просто ужасно. Наверное, они сильно болят... Кто же ненавидел его настолько, что нанес такие увечья?!

Я задрожала. «Надо уходить отсюда, – мысленно сказала себе я. – Уходи! Беги от него!» Но ноги меня не слушались.

Старик издал смешок.

– Будь осторожна... с желаниями... – Он зашелся в кашле. – Если загадаешь желание, оно может тебе навредить... Прислушайся к своему... – он снова закашлялся, а потом закончил: – внутреннему голосу.

– Оставьте меня в покое, – попросила я, дрожа всем телом, и заставила себя пойти вперед. Шаг правой ногой, шаг левой ногой, теперь снова шаг правой...

Проходя мимо старика, я зажмурилась.

– Остерегайся его.

Я застыла и, не отдавая себе отчета в том, что делаю, повернула голову.

– Что вы сказали?

Выпрямившись, старик сел ровнее и теперь почти не уступал мне в росте. Видимо, он куда выше, чем мне казалось.

– Остерегайся его, – прошептал старик. – Он найдет тебя, ты ему нужна, но он – сама тьма и чернота... – Я с трудом могла разобрать, что он говорит. – Он – сама смерть.

– Хватит! – Я будто со стороны услышала свой пронзительный возглас, услышала прозвучавший в нем страх. Неужели старик хочет сказать, что кто-то собирается меня убить?

– Этот человек к вам пристаёт, мадемуазель? – поинтересовался проходящий мимо мужчина. Он остановился рядом со мной и достал телефон. – Хотите, я вызову полицию?

– Нет, спасибо, – выдавила я. – Все хорошо. Мне нужно идти.

Я сделала несколько шагов вперед, желая поскорее оказаться дома. Только там я буду чувствовать себя в безопасности.

– Остерегайся его! – Голос старика следовал за мной, как грохот приближающейся грозы. – Он носит огненную корону!

Я всхлипнула.

– Остерегайся того, кто носит огненную корону!

Ничего не хочу слышать! На глаза навернулись слезы.

– Остерегайся того, кто носит огненную корону!

– Хватит! – закричала я, хотя отошла уже на приличное расстояние. Хочу домой, к родителям! Они мне помогут! Родители способны разрешить любые сложности! Я как никогда нуждалась в их поддержке, нуждалась в чувстве безопасности, которое испытываю в их присутствии, нуждалась в их заботливых объятиях.

– Остерегайся того, кто носит огненную корону!

Я перешла на бег и не останавливалась, пока не добежала до дома. Портье открыл мне дверь, кивнул и поздоровался. Оказавшись в коридоре, я выдохнула и бросилась к лифту. Слова безумного старика эхом звучали в голове.

«Остерегайся того, кто носит огненную корону!»

Двери лифта закрылись с тихим шелестом. Я прислонилась к стене и прикрыла глаза.

«Остерегайся того, кто носит огненную корону!»

Я вздрогнула, понимая, что перед мысленным взором все это время стоял Маэль.

Глава 5. Жизнь и прочие неприятности

Домой я вернулась с таким видом, словно увидела привидение.

– Мы здесь, милая, – позвала мама. Судя по тону, она в хорошем настроении. Я пошла на голос, и он привел меня в столовую. Родители сидели за большим деревянным столом, склонившись над ворохом фотографий.

– Смотри, что мы нашли, когда распаковывали вещи! Коробку со старыми фотографиями... – увидев выражение моего лица, мама оборвала себя на полуслове, а папа вскочил на ноги.

– Ливия!

– Мне нехорошо, – выдавила я. И разрыдалась.

Мама с папой оказались возле меня практически одновременно. Обняли и стали засыпать вопросами, желая знать, не обидел ли меня Маэль.

– Нет, Маэль ничего мне не сделал, – снова и снова повторяла я, пока родители усаживали меня на диван. – Я чувствую себя... – Я вжалась в мягкие подушки и договорила: – Странно.

Меня затрясло от очередного приступа рыданий.

– Тебе плохо? Снова живот? – с обеспокоенным видом спросила мама.

– Мне... – всхлипнула я. – Мне нужно...

– Что тебе нужно, дорогая? Поговори с нами, – попросила мама. Она крепко обнимала меня, а папа тем временем поглаживал меня по руке.

– Помогите. Мне срочно нужна помощь. – Мой голос звучал немногим громче шепота. – Я больше так не могу. Мне страшно, потому что... похоже, у меня галлюцинации. И панические атаки. Думаю, я схожу с ума. Иногда я вижу то, чего нет. Иногда меня бросает в жар, перед глазами все расплывается, и мне кажется, что тело мне не принадлежит. Как будто оно существует отдельно, и я... не знаю, как объяснить... вселяюсь в кого-то другого. И тогда я... чувствую других людей. Чувствую то, что чувствуют они.

Мама напряженно замерла. Папа шумно выдохнул и встал.

– Я позвоню Жаку. Мы сейчас же поедем в больницу. Пусть врачи обследует ее с головы до ног.

С этими словами он вылетел из комнаты.

– Дорогая, когда это началось? – поинтересовалась мама, убирая с моего лица волосы.

– После того, как мы приехали в Париж.

Мама тяжело слотнула.

– Знаю, ты не хотела переезжать... Сначала у тебя заболел живот, а теперь еще и это... – У нее на лице отразилось беспокойство и сомнение. – Почему ты раньше ничего не говорила? Прошло уже столько времени... – Она нахмурилась.

Я пожалала плечами, чувствуя, что нижняя губа снова задрожала.

– Дорогая, ты ни о чем не хочешь мне рассказать? Тебя ничего не беспокоит?

Неужели я рассказала недостаточно? Я покачала головой.

– Тебе нравится твоя новая школа? Может, ты бы предпочла пойти в лицей Людовика Великого?

На ум тут же пришел Маэль. Похоже, между нами все кончено. Нет, я не хочу видеть его каждый день. Я еще не поняла, нравится ли мне в Международной школе, но Джиджи с Джеммой стоят того, чтобы там остаться. Я покачала головой.

Мама выглядела несколько разочарованной. Я думала, она будет вне себя от волнения, и поэтому так долго откладывала этот разговор... Но, судя по всему, мама решила, что я разыгрываю спектакль, надеясь вернуться в Корею. Из кабинета донесся голос папы, разговаривающего по телефону. Я почувствовала на себе внимательный взгляд мамы.

– Ты сказала, что видишь и слышишь странные вещи?

Я кивнула.

– Какие именно?

– Разные. Иногда мне кажется, что я попала в ужастик и что некоторые люди – не те, за кого они себя выдают.

Мама удивленно округлила глаза. Впервые с начала разговора она выглядела по-настоящему встревоженной.

– Тебе кажется, что они что-то скрывают? Или что они не люди? Неужели ты стала верить в вампиров и прочую нечисть?! А я ведь говорила: не забивай голову этими дурацкими сериалами!

– Мам, дело не в сериалах... – попробовала возразить я, но мама уже села на любимый конек.

– Как там они называются? «Дневники вампиров»? «Волчонок»? После такого у кого угодно начнутся кошмары! Что за сериал ты смотрела перед переездом? Про рыжих близнецов, которые ведут себя так, будто втайне встречаются?

– «Ривердейл»? Но там нет ничего сверхъестественного...

– Вот именно! Сериал специально снят так, чтобы нагнать жути на зрителей! И эти вырвиглазные цвета, хотя сами герои бледны, как смерть. Ничего удивительного, что у тебя кошмары!

Я возмущенно фыркнула. Почему мама представляет меня полной дурой?! Если бы после сериалов начинались галлюцинации, об этом наверняка бы кто-нибудь упомянул! Страх и неуверенность отступили, я почувствовала, как во мне медленно поднимается гнев. Можно подумать, я – помешанная на сериалах девчонка, которая потеряла связь с реальностью и вообразила себя сверхъестественным существом. Хорошо еще, что мама не интересуется содержанием моей электронной книжки! У меня там около трех сотен книг, и почти все из них – фэн-тези.

– К тому же ты никогда не завтракаешь, а это очень вредно! – продолжала мама. – Я читала, что быстрое падение уровня сахара в крови может вызвать не только головокружение, но и галлюцинации!

Время нравоучительной лекции о правильном питании. Здорово, ничего не скажешь! Похоже, мама решила припомнить все мои прегрешения: нежелание переезжать в Париж, любовь к фантастическим сериалам, отказ завтракать по утрам... Может, мне уйти? От мамы никакого толку! Не на такую помощь я рассчитывала, сходя с ума от отчаяния. Я всерьез размышляла, не оставить ли маму наедине с ее глупыми обвинениями, но тут пришел папа.

– Жак внизу, можем выезжать. В больнице нас ждут.

Мама успокаивающе стиснула мою ладонь, а я почувствовала легкую тошноту. «В больнице нас ждут»? Что это значит? Может, для меня уже приготовили смиренную рубашку?

* * *

Я вынырнула на поверхность, жадно хватая ртом воздух. Вокруг раскинулась панорама ночного города. Где я? Как сюда попала? Я смерила себя придирчивым взглядом. Одежда сухая. Как странно... Я была уверена, что выплыла из глубокого водоема, но воды нигде не видно – под ногами стелется серый асфальт. Оглядевшись, я поняла, что стою на площади с фонтаном. Все кафе закрыты, свет горит лишь в нескольких окнах.

В следующую секунду по всему телу пробежала дрожь. Меня вновь охватило непреодолимое желание броситься на поиски. Я чувствовала себя марионеткой, которую дернули за ниточки – казалось, моими движениями управляет неизвестный кукловод. Слышу чей-то зов, кто-то ждет меня... Я целенаправленно пересекла площадь и неподалеку от фонтана остановилась, словно наткнувшись на невидимую стену. Здесь. Моя цель здесь. Присев на корточки,

я попыталась поддеть один из булыжников, которыми вымощена площадь. Я знаю, где моя цель, но как до нее добраться? Булыжник отказывается сдвинуться даже на миллиметр! Я засопела от напряжения.

– Достань свои ключи, – скомандовал голос. Он звучал так же сюрреалистично, как в прошлый раз.

Я выудила из кармана брелок с ключами. «Да, должно сработать», – подумала я и принялась водить зазубренным металлическим наконечником между камнями, раскидывая во все стороны землю и мелкую гальку. Затем ключ напоролся на что-то металлическое, и меня охватило облегчение. В бледном лунном свете что-то блеснуло. Монета. Я положила ее на ладонь, и земля скатилась с нее, как по волшебству. Это не евро и не франк. Передо мной какая-то старинная монета, и, кажется, она сделана из чистого золота. Я попыталась вспомнить, где нахожусь, чтобы прикинуть, когда была заложена площадь, но голова была на удивление пуста.

– Ты знаешь, что делать.

Я поднялась и увидела перед собой шкатулку. Спротивляться нет сил... Я протянула дрожащую руку и бросила монету в бездонную тьму шкатулки.

– Прими мою благодарность.

Размытые очертания шкатулки растворяются в воздухе.

– Постой! – крикнула я.

Дыхание ветра ласково погладило меня по щеке. Я снова осталась одна.

* * *

Звон будильника в третий раз выдернул меня из сна. Я тяжело вздохнула: кнопка «отложить сигнал» – это не благо, а проклятие. С каждым последующим пробуждением чувствую все бо́льшую усталость. Каким-то чудом мне удалось встать, добраться до ванной и привести себя в порядок, чтобы не выглядеть как пролежавший в воде труп.

Во время обеденного перерыва мама переслала мне результаты обследования. Конечно же, обследование не показало никаких серьезных отклонений. Небольшой дефицит железа, нужно принимать таблетки. Как здорово. Я закрыла почтовое приложение, отодвинула от себя тарелку с несъедобным ризотто и в очередной раз открыла «Вотсап» – посмотреть, когда Маэль был онлайн. Всего несколько минут назад. Но мне ничего не написал. Джемма и Джиджи что-то обсуждали с нашими одноклассниками Карли и Аннабель, но я не прислушивалась к их разговору.

Мысли лениво перетекали от одного к другому. Ужасно хочется приткнуться куда-нибудь и хотя бы несколько минут подремать... А напишу-ка я Маэлю сама! Давно прошли те времена, когда принцессы сидели в замках и покорно ждали, пока какому-нибудь заезжему принцу захочется их спасти. Я сфотографировала тарелку с ризотто и решила отправить снимок Маэлю. Безобидно, ненавязчиво – в общем, идеальный способ возобновить общение. Я попыталась придумать забавное и в то же время непринужденное сообщение, которое даст Маэлю понять, что я прекрасно провожу время без него и совсем о нем не думаю... но тут за соседним столиком раздался грохот, и я случайно нажала на кнопку «Отправить». О нет, только не это! Надо что-нибудь написать, и как можно быстрее! Но через секунду галочки стали синими – сообщение прочитано! – и сверху появилось уведомление: «Маэль пишет...» Мои пальцы замерли.

«Не знаю, что это, но выглядит вкусно».

Я попыталась придумать ответ получше, чем простое «Это ризотто», но Маэль снова меня опередил: «Я как раз думал о тебе».

Я неверяще уставилась на экран. Мне это снится?!

«Я собирался написать раньше, но возникли сложности. Артур попался, его арестовали. По-дурацки получилось. К счастью, все обошлось, археологи подтвердили, что он спустился в катакомбы по их делам. Мне пришлось заниматься организационными вопросами, потому что у Клемана сейчас экзамены в самом разгаре».

«Ничего страшного», – ответила я. Одновременно с этим Маэль написал: «Надеюсь, ты не злишься. А если злишься, то возможно ли умиловить тебя кофе с печеньем?»

«Я не злюсь».

«Правда?»

«Совсем чуть-чуть».

«Почему сама не написала?»

Потому что мне не хватило смелости, но я никогда в этом не признаюсь. «Понятия не имею».

Галочки рядом с моим сообщением окрасились в синий цвет, но Маэль отвечать не спешил. «Не надо было мне отвечать так лаконично!» – подумала я, злясь на саму себя. Наверное, мои слова прозвучали пренебрежительно. К моему удивлению, вскоре Маэль написал: «Ты свободна сегодня вечером?»

Хм, не ожидала этого вопроса. Сегодня я заканчиваю позже, чем вчера. Все ученики должны записаться в какую-нибудь спортивную секцию, и Джиджи с Джеммой уговорили меня вступить в волейбольную команду. После обеда у нас первая тренировка. К тому же меня ждет гора домашки. Наверняка провожусь с ней до позднего вечера. Во мне началась внутренняя борьба. Я хочу увидеться с Маэлем. Не проходит ни минуты, чтобы я о нем не думала. До недавнего времени я и не подозревала, что способна на такие сильные чувства. Обычно я медленно проникаюсь к людям симпатией, но Маэль стал исключением. И все же разум одержал верх над чувствами. Я не допущу, чтобы пострадали мои оценки. Я хочу освоиться в новой школе. Хочу найти свое место. Это важнее свидания с кавалером, который появляется и пропадает, когда ему вздумается.

«Сегодня я занята. Меня ждут физра и целая гора домашки».

«Ясно. А завтра?»

Меня обрадовало, что Маэль воспринял мой отказ так спокойно.

«Завтра я свободна».

«Отлично, тогда увидимся. Жду не дожусь!»

Я оторопела. Мы даже не договорились о том, где и когда встретимся! Надо спросить! Но Маэль уже вышел из сети... Написать ему? Я нерешительно взвесила телефон в руке и, поразмыслив, отказалась от этой идеи. Маэль сказал, что по уши в делах. До завтра мы наверняка еще спленимся... Я торопливо ответила «И я!» и отложила телефон в сторону. Хватит паялиться на него, как сумасшедшая!

– Ты вообще ничего не съела! – заметила Джиджи и пододвинула ко мне маленький контейнер «Тапервер». – Попробуй мой пудинг с семенами чиа. Он без сахара. Надеюсь, пихтовый мед ты любишь.

– Спасибо, это очень мило с твоей стороны.

Что-нибудь сладкое будет сейчас очень кстати! Я открыла крышку контейнера и отшатнулась. Пудинг пах как лекарство от простуды.

– У серебристой пихты очень терпкий запах, – сказала Джиджи и уставилась на меня, с нетерпением ожидая, когда же я попробую пудинг.

– Неужели? – вяло отозвалась я. Невозможно съесть то, что пахнет как еловая пена для ванны! Бабушка такой пользовалась.

Джиджи оживленно закивала.

– Он очень полезный!

Что ж, судя по запаху, пудинг и правда «полезный». Вот только обычно я не думаю о своем здоровье, когда ем десерт... И что, скажите на милость, мне делать с этим пудингом? Меньше всего я хочу обидеть Джиджи... Мои размышления прервал пронзительный, полный страха крик – какая-то девочка звала Джемму по имени.

От удивления все замерли на месте, а Джемма вскочила так резко, что чуть не опрокинула стул.

– Что случилось, Коринна?

– Там...

К нашему столику, тяжело дыша, подбежала маленькая девочка. Ее глаза были широко раскрыты, а на щеках выступили красные пятна.

– С Кэлвином беда! Пойдем скорее!

– Что с ним? Где он?

– Пойдем! – Коринна схватила Джемму за руку и потянула за собой. На вид девочке было не больше пяти. Рядом с ней Джемма выглядела великаншей.

– Я с вами! – сказала Джиджи и тоже поднялась.

– И я! – торопливо добавила я.

– Возьмите наши вещи, ладно? – крикнула Джиджи, обернувшись к одноклассницам. Те согласно закивали, хоть и казались напуганными и сбитыми с толку.

Коринна так волновалась, что с трудом могла дышать.

– Он... Он просто...

– Подожди. – Джемма притянула девочку к себе и без лишних церемоний взяла на руки. Коринна вцепилась ей в шею и обхватила ногами, как маленькая обезьяна. – Где он? В детском садике?

Коринна кивнула.

– Нам велели оставаться на улице, но Кэлвин захотел пойти в класс и поднялся на третий этаж... – Девочка судорожно всхлипнула. – А потом... а потом он помахал нам из окна и случайно выронил свою игрушку. Она застряла на дереве. Кэлвин захотел ее достать, но вынулся слишком сильно и тоже упал на дерево! Миссис Грин вызвала «Скорую» и пожарных, но я жутко боюсь, что он свалится, – сказала Коринна и разразилась слезами.

– Господи! – воскликнула идущая рядом со мной Джиджи. – Бедный Кэлвин! Мы должны что-то делать!

Судя по всему, Кэлвин – это брат Джеммы. Какая ужасная ситуация!

Джемма побелела как полотно и ускорила шаг. Вскоре мы перешли на бег и добрались до детского сада, примыкающего к школе. Там царил настоящий переполох. Дети плакали, воспитательницы с ума сходили от волнения. Оно и понятно... Джемма передала рыдающую Коринну воспитательнице – оказывается, девочки уже хватились, – и мы помчались на третий этаж. У злосчастного окна собралась целая толпа. Кто-то связал две простыни – наверное, чтобы поднять Кэлвина, но потом от этой идеи отказались. Джемма бросилась к окну, и все расступились, пропуская ее.

– Кэл? Кэл! Не двигайся, прошу тебя! Я здесь, мы тебя вытащим! Не смотри вниз! Хорошо, Кэл?

Мы с Джиджи тоже высунулись из окна. Несколько учителей попытались с нами заговорить, но мы не обратили на них внимания. При виде Кэлвина у меня перехватило дыхание. Мальчик плакал, его лицо покрывали царапины. Поскользнувшись, он свалился на огромную глицинию, которая, к счастью, смогла выдержать его вес, и запутался в длинных лианах. Пышные заросли скрывали нижнюю часть тела до живота. Наверняка мальчику больно и неудобно, но, судя по всему, глициния спасла ему жизнь. По крайней мере, на время.

Стоило Кэлвину увидеть Джемму, как он заплакал пуще прежнего и протянул к ней руку.

– Стой смирно, Кэл! – испуганно закричала Джемма. – Тебе нельзя двигаться!

– Будьте благоразумны. Пожарные и «Скорая» уже в пути, – сказал один из учителей, обращаясь в основном к Джемме. – Мы хотели бросить мальчику простыню, но решили не рисковать. Слишком высоко, он может не удержаться. Мы связались с вашими родителями, они уже едут. Поговорите с ним. Успокойте. Сейчас это все, что можно сделать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.